

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печновской.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гопорара, считаются безплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 19 Сентября

СОДЕРЖАНИЕ: На старыя темы. — Искусство актера (продолженіе). *Коклега*. — Гамлетъ. *Р. Гейгардта*. — Хроника театра и искусства. — Пьеса на строенія (Забава). *Импрессиониста*. — Цыпленокъ. *П. Ловинскаго*. — За границей. — Театральная провинція. — Провинціальная лѣтопись.

Рисунки: «Женщина моря», «За королеву», Не-

№ 38.

изданный рисунокъ К. П. Брюлова, Христина (Забава), Обзоръніе вѣка (А. де Мюссе и Жоржъ-Зандъ), Театральная афиша.

Портреты: А. П. Домашевой, Л. В. Селивановой, Ю. М. Юрьева (въ роли царя Θεодора).

Приложеніе: «Одинока» *Айреля*.

Продолжается подписка на 1899 г.
НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Театральныя справочно-статистическія

Бюро Русскаго Театральнаго Общества:

Въ Москвѣ — Тверская ул., уг. Сытинскаго пер., д. Арбатскаго; открыто ежедневно, исключая праздничныхъ дней, отъ 10 до 4 часовъ.

Въ С.-Петербургѣ—Караванная ул., д. № 9, кв. 6; открыто ежедневно, исключая праздничныхъ дней, отъ 10 до 5 часовъ.

С.-Петербургъ, 19 сентября.

Отсутствіе театральнаго законодательства и общественной организации, призванной слѣдить за примѣненіемъ спеціального законодательства—является главнѣйшимъ тормазомъ развитія русскаго театральнаго дѣла. Обезпечена существующими положеніями сторона цензурная, обезпеченъ полицейскій порядокъ, но по другимъ сторонамъ дѣла никго не завѣдуетъ, ибо, говорятъ, искусство должно быть свободно. Искусство пусть будетъ свободно, но въ театральномъ предпріятіи съ нимъ неразрывно связана экономическая сторона, представляющая форму его существованія.

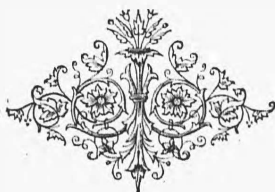
Сезонъ едва начался, какъ изъ провинціи уже

понеслись недобрыя вѣсти, жалобы антрепренеровъ, артистовъ, публики. Не мало антрепренеровъ, интеллигентныхъ, заявившихъ себя съ лучшей стороны, остались безъ городовъ или должны были удовольствоваться небольшими. Многіе крупные города сданы, путемъ таинственныхъ ходовъ и выходовъ, купцамъ, часто аферистамъ, снимающимъ театры, чтобы пересдавать ихъ съ надбавкой. Печальнѣе же всего, что сдаются театры такимъ образомъ городскими управами и дирекціями, т. е. учрежденіями, которыя, казалось бы, призваны блюсти дѣло и его чистоту, и не увлекаться копѣчными разсчетами. Чѣмъ, напримѣръ, руководствовалась одна южная управа, сдавъ свой театръ нѣкому господину за 18000 р., между тѣмъ, какъ солидные антрепренеры математически доказали невозможность дать болѣе 6000 руб.? Какія соображенія руководили одной приволжской управой, сдавшей театръ своему же брату купцу, который, «для видимости», пригласилъ на жалованье антрепренершу. Естественно, что при такихъ условіяхъ разныя господа Сибиряковы чествуютъ память Пушкина нѣмецкой опереткой. Если дирекціи и управы не хотятъ или не умѣютъ вести дѣла сами, какъ ведетъ его, напр., Пермская городская дирекція, взявшая, кстати сказать, въ истекшемъ сезонѣ 61.556 р. 23 коп. валового сбора, то необходимо хотя бы проявлять больше осмотрительности въ выборѣ предпринимателей, не довѣрять рекомендаціямъ случайныхъ лицъ, агентствъ и учреждений.

По слухамъ, возникла мысль ходатайствовать о предоставленіи Театральному Обществу права давать заключеніе о лицахъ, желающихъ снятъ театръ. Не знаемъ, насколько мысль близка къ осуществленію и какъ это право проявится практически. Мы думаемъ, что такое заключеніе всегда полезно,

но ограниченіе свободы промысла «инвеститурами», хотя бы исходящими отъ такого почтеннаго учрежденія, какъ Театральное Общество, представляется намъ мѣрою проблематическою. Гораздо важнѣе и закономѣрнѣе регламентировать театральныя учрежденія законодательнымъ путемъ и подвести ихъ подъ дѣйствіе торговаго устава съ подобающей отвѣтственностью за злостныя и неосторожныя банкротства. Какъ и всякая торговая несостоятельность, несостоятельность антрепренерская должна быть предметомъ судебного разбирательства. Въ то же время обезпечивая интересы актеровъ, необходимо оградить и антрепренеровъ отъ грубыхъ нарушеній первыхъ. Нарушенія контрактовъ съ возвращеніемъ аванса и безъ возвращенія такового все учащаются, нанося страшный вредъ самому дѣлу.

Впрочемъ, обо всемъ этомъ еще лучше закона позаботилась бы живая практика обычнаго права, которая начнется немедленно по образованіи союза сценическихъ дѣятелей. Къ этой главной цѣли должны быть направлены всѣ наши стремленія.

Искусство актера *).

(Очеркъ Коклена).

Задача драматическаго искусства—созданіе живыхъ или, лучше сказать, живущихъ типовъ и образовъ. Вотъ что сообщаетъ драматическому искусству характеръ *человѣческаго* искусства, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, и дѣлаетъ театръ высшимъ родомъ эстетическаго удовлетворенія. Поэтому театръ долженъ быть не только правдой, но и *искусствомъ*, т. е. иначе говоря, окружать правду благоуханіемъ поэзіи, предвкушеніемъ идеала, и вотъ почему, натурализмъ въ театрѣ кажется мнѣ заблужденіемъ. Впрочемъ, и публика едва ли желаетъ этого натурализма. Къ крайнему реализму, къ мрачной дѣйствительности она не чувствуетъ расположенія, и всегда, даже среди пошлыхъ и ничтожныхъ театральныхъ героевъ, она ищетъ отблеска идеала. Въ такой же мѣрѣ, какъ не должно удалиться отъ правды, подъ предлогомъ живописности, такъ точно, я полагаю, подъ предлогомъ правды, не слѣдуетъ впадать въ банальность и пошлую обыденщину. Если хотите, я за натуру, но противъ—натурализма.

Натурализмъ въ искусствѣ! Сколько можно говорить по этому поводу, ибо каждое время и каждая страна разумѣютъ по своему это понятіе. Когда Гарриксъ пріѣхалъ во Францію, онъ очень хвалилъ нашихъ актеровъ, но находилъ ихъ мало натуральными. Тѣмъ не менѣе, Тальма былъ до нелзя натураленъ въ трагедіи, и именно этой натуральностью онъ обязанъ своимъ успѣхомъ и своимъ вліяніемъ. Его натурализмъ, однако, едва ли походилъ на натурализмъ Гаррикса. Національный геній французовъ и англичанъ отличается значительно другъ отъ друга.

У англичанъ очень велико стремленіе къ оригинальности, и думается, имъ трудно удержать мѣру вещей. И дѣйствительно, въ настоящее время, смотря игру Ирвинга, уже мы, французы, находимъ его недостаточно близкимъ къ натурѣ. Въ чемъ же дѣло? Да только въ томъ, что его „натура“ не соотвѣтствуетъ нашей, французской. Такое замѣчаніе можно сдѣлать о сценической натурѣ нѣмцевъ, которые выше мѣры плачутъ и хнычутъ на сценѣ. Нѣмецкая натура, съ ея, такъ сказать, философскою аффектаціею, очень похожа на сентиментальную школу Дидро, въ концѣ прошлаго вѣка. А между тѣмъ, это была школа новаторовъ. Этотъ стиль, который кажется намъ столь далекимъ отъ правды, былъ введенъ школою Дидро на сцену, во имя близости къ натурѣ. Во имя той же естественности и натуральности подняли знамя романтики, которые въ наше время изгнаны и осмѣяны за напыщенность фразы и ходульность движеній. Романтики стремились замѣнить условную трагедію дѣйствительною челоѣческой драмой, въ которой слезы прерываются смѣхомъ, и наоборотъ,—и дали намъ „Антони“, „Нельскую башню“, „Лукрецію Борджіа“ и пр. Очевидно, это была совсѣмъ иная естественность и челоѣчность, чѣмъ въ театрѣ Вольтера. Актеры шли слѣдомъ за авторами. Тальму не находили уже болѣе естественнымъ. Актеры рѣшили говорить на сценѣ, какъ болтаютъ въ жизни, такъ что ничего не разберешь, садиться, большею частью, повернувшись къ публикѣ спиною и пр. Они читали стихи изъ „Аталии“ совершенно такимъ же образомъ, какъ говорятъ: „Здравствуйте! Какъ вы поживаете?“ Они хвалились, что такимъ путемъ они вводятъ элементъ естественности въ трагедіи Расина. И въ то же время, когда они играли свой репертуаръ, т. е. современную драму, ихъ охватывало увлеченіе. Это не было, разумѣется, монотонное трагическое журчанье, но ходульная приподнятость, аффекты антитезы и контрастовъ, великаго и мелкаго, пошлаго и лирическаго. Они уже не говорили: „какъ вы поживаете?“ при встрѣчѣ, но тономъ истиннаго романтика произносили: „дай мнѣ твою руку,—я хочу ее пожать!“ Во все влилась какая-то особенная глубина. Печать „рокового“ лежала на всемъ, не только на походкѣ, но можно сказать, даже на сапогахъ. Это было время, если будетъ позволено выразиться, развѣвающагося „плюмажа“ на героической шляпѣ. Нынѣшніе натуралисты стремятся замѣнить „плюмажъ“ опичанымъ перышкомъ.

VI.

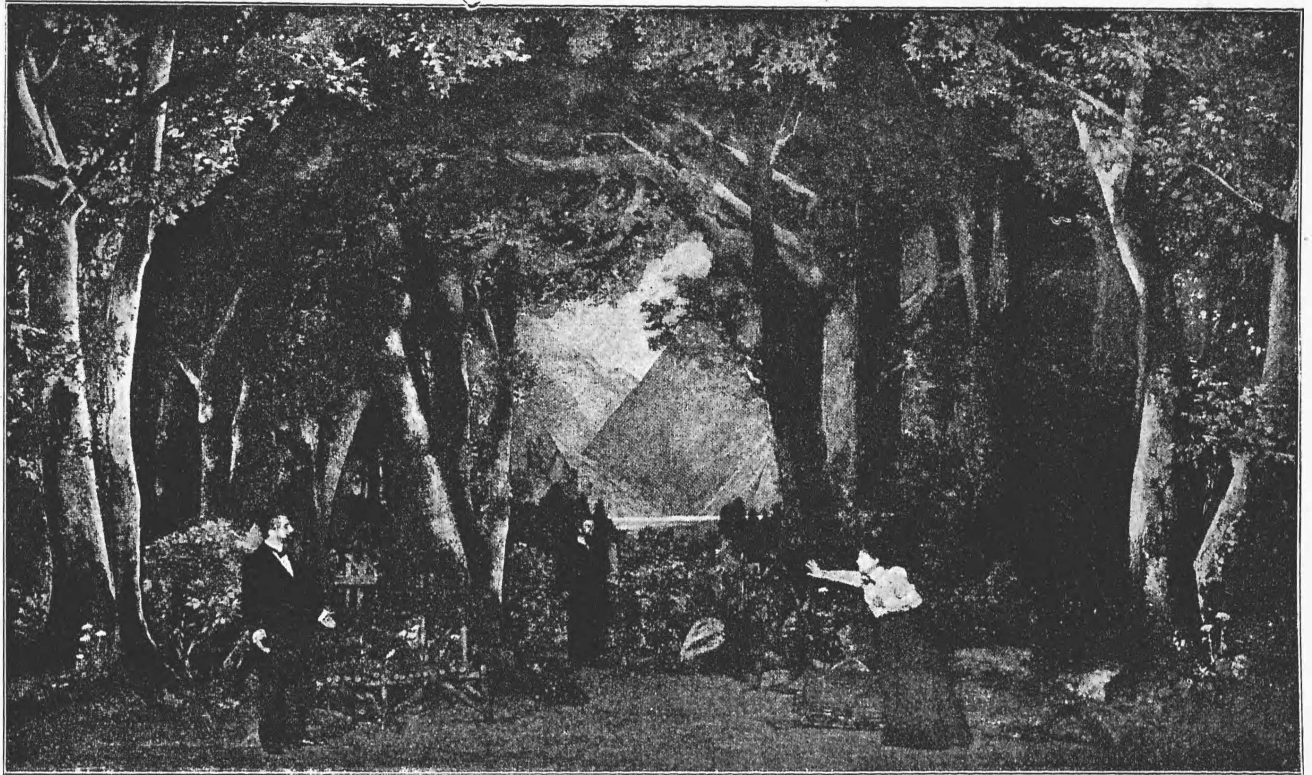
Позвольте продолжать объ этомъ: вопросъ безспорно, заслуживаетъ вниманія.

Если я не вѣрю въ искусство внѣ естественности и натуры, то точно также я не признаю въ театрѣ естественности безъ искусства. Все должно *исходить* отъ правды, все должно *стремиться* къ идеалу. Даже комедія, эта добродушная дочь, такъ сказать, искусства, развѣ не стремится она къ идеальнымъ цѣлямъ, освѣщая наши недостатки и пороки смѣхомъ веселья? Если бы комедія ограничивалась только воспроизведеніемъ ихъ, въ ихъ естественной наготѣ, въ грубой натуральности, безъ изыска, намѣренныхъ противоположеній и остроумія, — она бы не возбудила смѣха и не была бы настоящей комедіею.

Впрочемъ, и то сказать, воспроизведеніе голой дѣйствительности и чистаго реализма на сценѣ—невозможно. Выразусь парадоксомъ. Если правда и бываетъ когда либо неправдоподобна, то это именно здѣсь на сценѣ, на этомъ оригинальномъ и единственномъ уголкѣ земли, гдѣ свѣтъ падаетъ не сверху, отъ солнца, но снизу, отъ рампы, въ этомъ таин-

*) См. №№ 15, 20 и 37.

ТЕАТРЪ ШИЛЛЕРА ВЪ БЕРЛИНѢ.

«Женщина моря» драма Г. Ибсена.

(5 дѣйствіе, 7 явленіе)

ственномъ сценическомъ аппаратѣ, увеличивающемъ во много разъ размѣры людей, вещей и даже протяженіе времени.

Я согрѣшилъ въ своей жизни только одинъ разъ настоящимъ натурализмомъ, безъ всякаго своего желанія,—и увы, это до сихъ поръ составляетъ предметъ моихъ угрызений.

Это случилось во время турнэ. Я провелъ ночь въ вагонѣ, утромъ репетировалъ, потомъ совершилъ пѣшкомъ значительную прогулку, и очень усталъ. Вечеромъ я игралъ Аннибала въ „Авантюристка“ („l'Avanturière“ Ожье). Извѣстно, что въ концѣ второго акта, Аннибалъ, котораго Фабрицій усиленно угощаетъ, чтобы развязать ему языкъ, пьянѣетъ и, наконецъ, засыпаетъ. Я изображалъ спену опьяненія, какъ всегда, не хуже, не лучше, не болѣе, не менѣе реально. Но когда дѣло дошло до сна, и я прикурнулъ, какъ слѣдовало по пьесѣ, это подражаніе природѣ показалось мнѣ очень сладостнымъ, да и дѣйствительно мнѣ такъ хотѣлось спать, что я отдался естественному влеченію и заснулъ на сценѣ, на виду у всей публики. Я не только спалъ, но—о, стыдъ!—даже храпѣлъ. Публика думала, что это по роли, и что я прибѣгаю къ сценическимъ эффектамъ. Кое-кто разсмѣялся, другіе нашли этотъ эффектъ дѣломъ сомнительнаго вкуса. Большинство же находило, что я храпѣлъ не естественно, безъ должныхъ оттѣнковъ, что я преувеличивалъ силу звука—короче, что здѣсь не было „натуры“. Увы, я былъ совершенно безучастенъ къ аплодисментамъ, и къ критическимъ замѣчаніямъ. Я думаю, и десятокъ свистковъ меня не разбудилъ бы. И когда занавѣсъ упалъ, товарищамъ пришлось не мало приложить усилий, чтобы вернуть меня къ дѣйствительности. Впрочемъ, этотъ сонъ сослужилъ мнѣ службу, онъ подкрѣпилъ меня, и я кончилъ роль молодцомъ.

Само собой понятно, что это была ошибка съ моей стороны. Если бы мнѣ до конца акта нужно было проснуться, я бы преодолѣлъ сонъ; но я поддался слабости, потому что зналъ, что до конца акта мнѣ дѣлать нечего. Это былъ натурализмъ чистѣйшей воды. И что же? Публика нашла, что я дурно изобразилъ сонъ, и мой настоящій сонъ показался ей неправдоподобнымъ. Это напоминаетъ анекдотъ о звуко-подражателѣ и мужикѣ. Первый представлялъ визгъ поросенка такъ хорошо, что громъ рукоплесканій былъ ему наградой. Тогда мужикъ подержалъ пари, что сдѣлаетъ это такъ же хорошо, принесъ подъ кафтаномъ поросенка и тихонько сталъ его щипать. Поросенокъ точно сталъ пищать, но мужика освистали. Этотъ анекдотъ постоянно повторяется на подмосткахъ. Ибо нужно считаться съ различіемъ точекъ зрѣнія. Одна точка зрѣнія—когда смотришь на улицу съ мостовой; другая—когда смотришь на сцену изъ партера. Что прикажете дѣлать? Свинья, безъ сомнѣнія, хрюкала прекрасно, но она хрюкала безъ искусства. И вотъ въ чемъ ошибка натурализма: онъ желаетъ, чтобы хрюкали свиньи.

Сказать ли? Это ошибка также и тѣхъ актеровъ, которые утверждаютъ, что должно воспроизводить и можно хорошо воспроизводить только то, что испытываешь самъ. Эти актеры могутъ очень легко запутаться въ требованіяхъ натурализма. Въ самомъ дѣлѣ, если нужно самому плакать, чтобы заставить плакать публику,—то логически слѣдуетъ напиваться, чтобы играть пьянаго, или изображая убійцу, за-гипнотизироваться и внушить себѣ идею убить на сценѣ товарища, а въ нуждѣ, такъ хотя суфлера. И тѣмъ не менѣе, цѣною всего этого напряженія, вы покупаете только одно: убѣжденіе публики, что это неправдоподобно. Вотъ еще примѣръ изъ сценической практики. Герой его—извѣстный англій-

скій актеръ, Эдвинъ Бушъ. Онъ игралъ въ драмѣ „Le roi s'amuse“ Трибуле. Онъ очень любилъ эту роль, а въ описываемый вечеръ, увлекался ею еще больше, чѣмъ обыкновенно. Драматизмъ положенія, патетическіе монологи, его собственное настроеніе, все это такъ подѣйствовало на него, что онъ окончательно отождествилъ себя съ изображаемымъ героемъ. Настоящія слезы текли по его щекамъ, дѣйствительныя рыданія душили его, и ему казалось, что онъ никогда такъ не игралъ. Когда пьеса кончилась, къ нему явилась его дочь, которую онъ привыкъ считать своимъ лучшимъ и наиболѣе безпристрастнымъ критикомъ. На лицѣ ея было безпокойство. „Ты боленъ?“ спросила она его. „Нѣтъ, нисколько!“ „Не понимаю, сказала она,—ты навѣрное боленъ, ты никогда такъ дурно не игралъ!“

Драгоценное подтвержденіе знаменитаго парадокса Дидро, который для меня есть несомнѣнная истина: для того, чтобы трогать, самому не должно быть тронутымъ, ибо актеръ долженъ, при всякихъ обстоятельствахъ и во всѣхъ положеніяхъ своей игры, оставаться полнымъ хозяиномъ самого себя, и ничего не оставлять на волю случая...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гамлетъ *).

Въ 1898 году вышла въ свѣтъ книга датскаго критика Георга Брандеса „Виліамъ Шекспиръ“, въ которой авторъ задался цѣлью посредствомъ подробнаго разбора всѣхъ драмъ Шекспира возстановить передъ нами личность поэта въ возможной полнотѣ и для каждой драмы въ отдельности найти въ Шекспирѣ соотвѣтственное настроеніе въ данный періодъ его жизни.

Въ отвѣтъ на это сочиненіе, въ томъ же году, вышла книга русскаго критика г. Л. Шестова, озаглавленная „Шекспиръ и его критикъ Брандесъ“, въ которой г. Шестовъ, возражая Брандесу, находитъ его взгляды и всю систему его книги несостоятельными.

Разборъ и критика этихъ сочиненій, конечно, выходятъ далеко за предѣлы журнальной статьи. Замѣтимъ лишь, что относительно Гамлета взгляды русскаго и датскаго критиковъ диаметрально противоположны. Брандесъ, отождествляя Шекспира съ личностью Гамлета, увѣряетъ насъ, что устами Гамлета говоритъ самъ Шекспиръ; Гамлетъ, по его мнѣнію, излюбленное дѣтище поэта. Всѣ свои личные взгляды на жизнь, всю свою жизненную мудрость, всѣ жгучіе, мучительные вопросы жизни Шекспиръ выразилъ въ этой пьесѣ и оповѣстилъ міру устами датскаго принца.

По мнѣнію г. Шестова, это не такъ. Шекспиръ вовсе не симпатизировалъ и не сочувствовалъ Гамлету; въ его глазахъ Гамлетъ не болѣе, какъ слабый и жалкій человѣкъ, не знающій жизни, неспособный ни къ чему, кромѣ празднаго философствованія. Погрузившись въ книги и науку, онъ, вслѣдствіе этого, сталъ неспособнымъ къ дѣйствительной жизни; онъ „читающій тунейдецъ“, каковымъ эпитетомъ, впрочемъ, Шестовъ награждаетъ не только Гамлета, но

и самого Брандеса. Когда умираетъ Брутъ, то Антоній надъ его трупомъ говоритъ:

Прекрасна была жизнь Брута; въ немъ стихъ
Такъ соединились, что природа можетъ,
Возставъ, сказать предъ цѣлымъ міромъ: это
Былъ человѣкъ.

Про своего покойнаго отца самъ Гамлетъ говоритъ:

Да, онъ былъ человѣкъ во всемъ значеніи слова.
Мнѣ не найти подобнаго ему.

„Почему же“, спрашиваетъ г. Шестовъ, „почему Гораціо, все время безмолвствовавшій и впервые открывшій свои уста послѣ смерти принца, говоритъ о чемъ угодно, только не о томъ, что Гамлетъ „былъ человѣкъ“, что „его жизнь была прекрасна?“

Но неужели отъ вниманія г. Шестова ускользнуло то, что надъ трупомъ Гамлета Гораціо говоритъ:

Вотъ сердце благородное утасло!
Покойной ночи, милый принцъ, спи мирно
Подъ свѣтлыхъ ангеловъ небесный хоръ!

Названіе человѣка „благороднымъ сердцемъ“ во всякомъ случаѣ не меньшая похвала, чѣмъ эпитетъ „человѣкъ“. Но поэтъ этимъ вовсе не ограничивается. Когда Офелія кажется, что Гамлетъ впалъ въ полное умственное разстройство, она восклицаетъ:

Какой благородный духъ погибъ здѣсь!
Воителя отвага,
Умъ мудреца, способность царедворца,
Отчизны цвѣтъ, надежда всей страны,
Прекраснѣйшій примѣръ для подражанія!

Здѣсь уже поэтъ положительно не знаетъ предѣла при поречисленіи всѣхъ доблестныхъ качествъ, всѣхъ лестныхъ эпитетовъ, которыми онъ надѣляетъ своего героя. Онъ все въ одномъ лицѣ: воитель, царедворецъ и мудрецъ; это высшая похвала человѣку. Офелія при этомъ думаетъ, что всѣ названныя качества въ Гамлетѣ уже погибли навсегда. Но мы знаемъ, что Офелія ошибается, такъ какъ Гамлетъ въ дѣйствительности въ здоровомъ умѣ, и въ его характерѣ никакой существенной перемѣны не произошло. Поэтому, если онъ раньше обладалъ этими способностями, то онъ обладаетъ ими и теперь.

Датскій народъ любитъ Гамлета. Въ четвертомъ дѣйствіи король не даромъ объясняетъ Лаэрту, что онъ не рѣшается выступить рѣшительно противъ Гамлета, дабы этимъ не возбудить ронота и негодованія народа, который безпрѣдѣльно преданъ Гамлету. Такимъ образомъ оказывается, что Гамлетъ въ Даніи популярная личность. Датскій народъ признаетъ за нимъ великія достоинства, хотя Шекспиръ и не говоритъ намъ, какія именно.

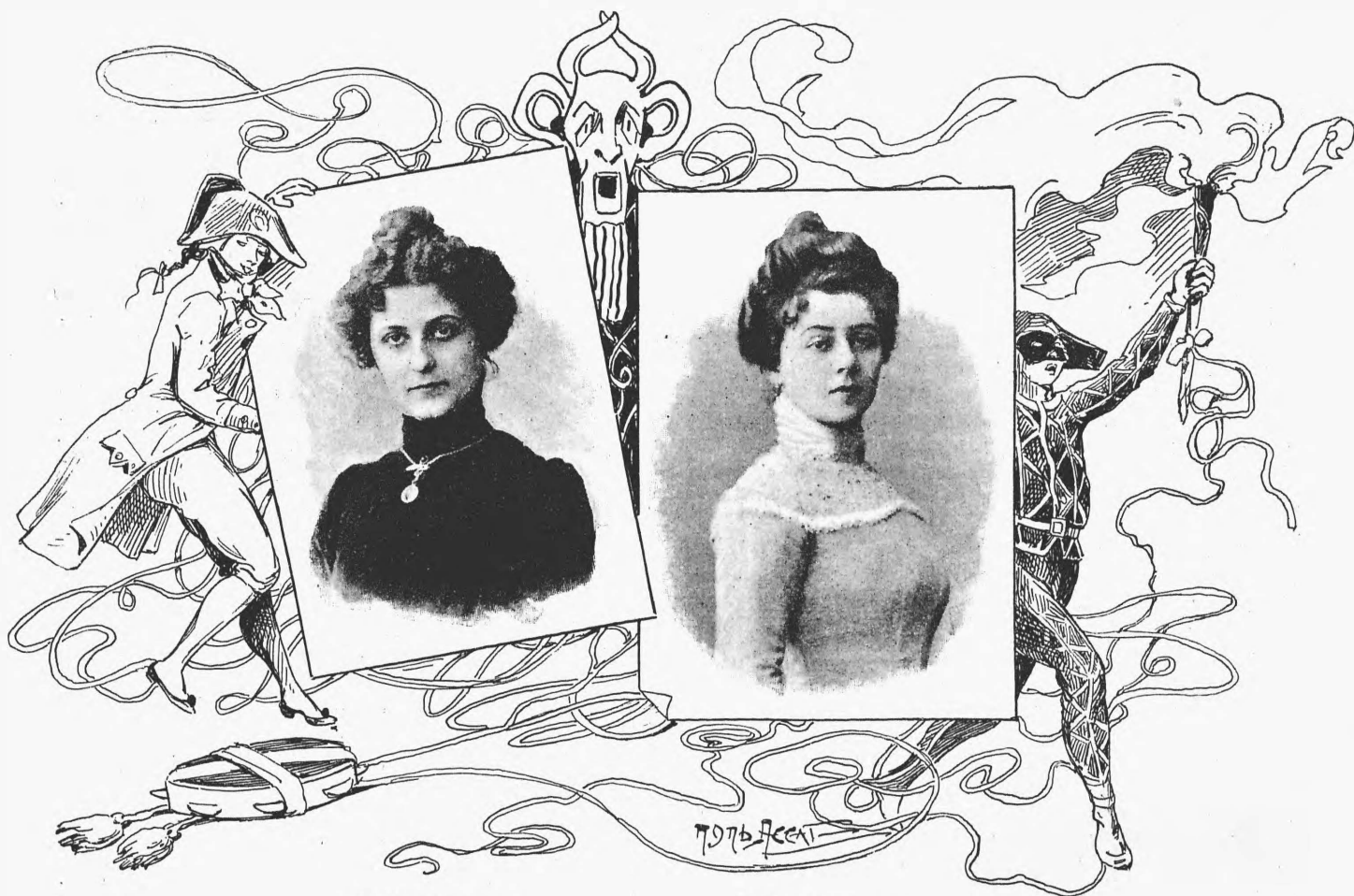
Далѣе Лаэртъ, злѣйшій врагъ Гамлета, у котораго Гамлетъ убилъ отца, сестру котораго Гамлетъ довелъ до сумасшествія, чувствуя приближеніе смерти, говоритъ: „Обмѣняйся со мной прощеніемъ, благородный Гамлетъ!“ Изъ устъ умирающаго врага это слово должно конечно имѣть великое, совершенно особое значеніе.

Мало того, послѣ смерти Гамлета другой врагъ и противникъ его, Фортинбрасъ, увѣряетъ насъ, что Гамлетъ.

Все величіе царское явилъ бы,
Когда бъ остался живъ.

Такимъ образомъ невинная дѣвочка Офелія, спокойный философъ Гораціо, рыцарь чести Лаэртъ, суровый воинъ Фортинбрасъ, наконецъ, весь датскій народъ, всѣ эти лица, не имѣющія между собою ровно ничего общаго, сходятся въ одномъ: они всегда лестно и съ высокимъ почтеніемъ отзываются о личности Гамлета. Ни въ одной драмѣ Шекспира мы не слышимъ столько лестныхъ сужденій о личности героя изъ устъ окружающихъ его лицъ. Поэтому вопреки мнѣнію Шестова и воплѣ соглашаясь съ

*) Очеркъ г. Гебгарда, молодого русскаго шекспиролога, заслуживаетъ безспорнаго вниманія, какъ попытка критически отнестись ко многимъ ходячимъ представленіямъ объ этомъ міровомъ характерѣ. Разборъ г. Гебгарда представитъ много интереснаго и для артистовъ, и для публики.

А. П. Домашева.

Л. В. Селиванова.

Новыя артистки Московскаго Малаго Театра.

Брандесомъ, мы должны признать, что нѣтъ характера, который былъ бы такъ близокъ сердцу Шекспира, съ которымъ бы онъ настолько слился, какъ Гамлетъ.

Вопросъ о томъ, какъ относился къ Гамлету самъ Шекспиръ, можетъ такимъ образомъ считаться рѣшеннымъ. Но нерѣшеннымъ остается другой вопросъ: что такое Гамлетъ?

„Великое дѣло возложено на человѣка, которому не дано отъ природы силъ къ совершенію его“, сказалъ нѣкогда Гете. Къ этому мнѣнію всецѣло присоеди- няется и знаменитый толкователь Шекспировскихъ драмъ Гервинусъ, который, анализируя драму, слѣдуетъ при этомъ великому нѣмецкому поэту, какъ вѣрный оруженосецъ слѣдуетъ своему рыцарю, и при этомъ увѣряетъ насъ, что теперь никому не приходитъ желаніе прибавить что-нибудь къ тому опредѣленію, которое далъ Гете. Это воззрѣніе затѣмъ упрочилось и нынѣ стало общимъ мѣстомъ какъ среди литературной критики, такъ и среди читающей публики. Данъ этому воззрѣнію отдалъ и г. Шестовъ, который, подобно Гервинусу, развивая и обобщая вышеприведенную мысль Гете, приходитъ къ выводу, что Гамлетъ неспособенъ не только къ совершенію возложенной на него задачи, т. е. къ кровавой мести, но и къ дѣйствию вообще.

Между тѣмъ, какъ ни общераспространено это мнѣніе, оно намъ кажется невѣрнымъ. Упорно и постоянно шествуя по стопамъ Гете, научная критика, по нашему глубокому убѣжденію, приняла невѣрное направленіе.

Начать съ того, что мнѣніе Гете страдает не-

полнотой. Когда намъ говорятъ, что Отелло чело- вѣкъ, убивающій свою жену изъ ревности, что Мак- бетъ и Ричардъ III люди, стремящіеся къ престолу и къ власти и съ этой цѣлью совершающіе цѣлый рядъ убійствъ, что Шейлокъ кровожадный еврей- ростовщикъ, готовый изрѣзать на куски тѣло своего должника—христіанина, что Леди Макбетъ демониче- ски злая женщина, подстрекающая своего мужа къ совершенію кровавыхъ злодѣяній, то все это ясно и опредѣленно, такъ какъ здѣсь указывается на опре- дѣленные дѣйствія всѣхъ этихъ лицъ и на опредѣ- ленныя свойства ихъ характера. Но когда намъ го- ворятъ, что Гамлетъ, это человѣкъ, неспособный выполнить возложенную на него задачу „вызванный на мщеніе и тѣмъ не менѣе не мстящій“, то это и неопредѣленно и неполно, ибо одно указаніе на то, чего человѣкъ не дѣлаетъ, не даетъ намъ никакого представленія о его характерѣ, о томъ, что это за человѣкъ.

Но независимо отъ этой внѣшней неполноты мнѣ- ніе это намъ кажется невѣрнымъ и по существу.

„Гамлетъ неспособенъ къ мести“. Развѣ? Въ концѣ пятаго дѣйствія Гамлетъ яростно бросается на ко- роля, закалываетъ его на мѣстѣ и затѣмъ одной ру- кой хватаетъ за горло сопротивляющагося и громко взывающегоъ о помощи короля, другой рукой беретъ кубокъ и, насильно вливая королю въ ротъ тотъ ядъ, который былъ предназначенъ для него самого и говоритъ ему: „Здѣсь, убійца, кровосмѣситель, про- клятый датчанинъ! Пей этотъ ядъ! Слѣдуй моей ма- тери!“ Король умираетъ.

Казалось бы, что тѣнь покойнаго короля, каждую

ночь блуждающая около дворцовой террасы и не находящая покоя въ могилѣ можетъ теперь возвратиться въ эту могилу и почить вѣчнымъ, мирнымъ сномъ, ибо самъ этотъ мужественный король-воинъ, король-богатырь, не могъ бы даже придумать болѣе страшной и жестокой мести.

И тѣнь дѣйствительно успокоилась; но не успокоилась литературная критика, до нашихъ дней упорно продолжающая видѣть въ Гамлетѣ человека сильного только на словахъ, но неспособного къ дѣйствию.

Указываютъ на то, что Гамлетъ, хотя и мститъ, но мститъ слишкомъ поздно, что благодаря его нерѣшительности и его постояннымъ колебаніямъ, въ концѣ концовъ погибаютъ все одинаково, и виновные, и невинные, что Гамлетъ въ послѣднюю минуту убиваетъ короля только изъ личныхъ видовъ, въ порывѣ внезапно возникшаго въ немъ раздраженія, а не по приказанію покойнаго отца, какъ бы слѣдовало.

Все эти возраженія однако лишены основаній. Гамлету не назначенъ никакой срокъ для исполненія мести. Если въ концѣ драмы сцена походитъ на поле битвы съ многими невинными жертвами, то въ этомъ виновенъ не Гамлетъ, а король, такъ какъ и королева, и Лаэртъ, и Гамлетъ погибаютъ отъ яда, приготовленнаго королемъ. Наконецъ, Гамлетъ, убивая короля, произноситъ многозначительныя слова „кровосмѣситель“, „убійца“ и „дэтчанниъ“, изъ чего ясно видно, что онъ убиваетъ короля не за какую-нибудь обиду, нанесенную ему, Гамлету, лично, а за преступленія, т. е. за кровосмѣшеніе и убійство, совершенныя имъ въ качествѣ короля Даніи. Гамлетъ сознательно исполняетъ свою высокую миссію.

„Гамлетъ неспособенъ къ дѣйствию“. Это положеніе совершенно не мирится съ происшедшими въ драмѣ фактами. Гамлетъ бросается на Полоніи, думая, что это король, и закалываетъ его на мѣстѣ. Онъ преспокойно шлетъ на вѣрную смерть своихъ школьныхъ товарищей Розенкранца и Гильденштерна, предварительно совершивъ съ этой цѣлью хитрый подлогъ. Онъ мужественно вступаетъ въ схватку съ корсарями, одинъ, впереди другихъ заходитъ на корсарскій фрегатъ и попадаетъ въ плѣнъ.

Если Шекспиръ дѣйствительно хотѣлъ изобразить Гамлета неспособнымъ къ дѣйствию, то тогда, въ виду имѣющихся на лицо фактовъ, его придется упрекнуть въ большой непоследовательности при изображеніи главнаго характера драмы, такъ какъ этотъ якобы неспособный къ дѣйствию человекъ совершаетъ цѣлый рядъ такихъ дѣствий, для которыхъ требуется быстрая рѣшимость, мужество и разсудительность, доходящая до коварства и жестокости. Ни „блѣдность мысли“, ни размышленія при этомъ не мешаютъ ему дѣйствовать. Вопреки собственнымъ его словамъ, воля въ немъ не блекнетъ и не блѣднѣетъ.

Напрасно при этомъ увѣряютъ насъ, что Гамлетъ дѣйствуетъ только подъ вліяніемъ какихъ-то внезапныхъ внушеній или въ состояніи крайняго раздраженія, не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Еще до отъѣзда въ Англію онъ предупреждаетъ свою мать, что противъ интригъ Розенкранца и Гильденштерна онъ приметъ свои мѣры, подъ ихъ подкупомъ онъ подведетъ другой, аршиномъ глубже. Этотъ планъ детально обдуманъ.

Очень много говорили, писали и разсуждали о томъ, что могъ бы совершить Гамлетъ и чего онъ не совершилъ. Но то, что онъ дѣйствительно совершилъ, осталось недостаточно разъясненнымъ и отчасти непонятнымъ.

Р. Гебгардъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРОНИКА

театра и искусства.

Какъ намъ передаютъ, Совѣтъ Театрального Общества озабоченъ въ настоящее время составленіемъ инструкцій для агентовъ. Предполагается предоставить агентамъ гораздо большія права, чѣмъ до сихъ поръ. О предоставленіи агентамъ безплатныхъ мѣстъ, о чемъ мы уже сообщали въ одномъ изъ предыдущихъ №, предполагается ходатайствовать въ административномъ порядкѣ.

* * *

Предполагавшіяся Великимъ постомъ спектакли казенной балетной труппы въ Мариинскомъ театрѣ не будутъ разрѣшены.

* * *

Директоръ Императорскихъ театровъ, князь С. М. Волконскій, на-дняхъ назначилъ особую техническую комиссію для осмотра анти-пожарныхъ средствъ театровъ и машинъ, съ помощью которыхъ опускаются и поднимаются люстры. Машинныя эти, вообще, самой примитивной конструкции.

* * *

Членомъ московскаго отдѣленія театральнаго-литературнаго комитета, вмѣсто выбывшаго Вл. Ів. Немировича-Данченко, избранъ артистъ Малаго театра А. И. Южинъ (кн. Сумбатовъ). Думаемъ, что и удѣлъ послѣдняго рядомъ съ профессорами, грамматиками и схоластиками не будетъ особенно сладокъ.

* * *

Составленіе проекта народнаго театра Р. Т. О-ва, какъ мы слышали поручено Е. И. Карпову, который имъ дѣятельно занимается, и представитъ его на разсмотрѣніе Совѣта въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій.

* * *

Какъ намъ сообщаютъ, одинъ изъ крупныхъ нигербургскихъ музыкальных издателей предложилъ Театральному Обществу составить безвозмездно при Бюро музыкальных библіотекъ, съ тѣмъ, чтобы часть прокатной платы поступала въ пользу издателей. Прокатныя условія будутъ самыя льготныя. Въ настоящее время разрабатываются условія библіотекъ.

* * *

Мѣсто недавно умершаго директора театральнаго училища г. Рюмина останется свободнымъ. Должность управляетъ и вся администрація предоставляется инспектору училища.

* * *

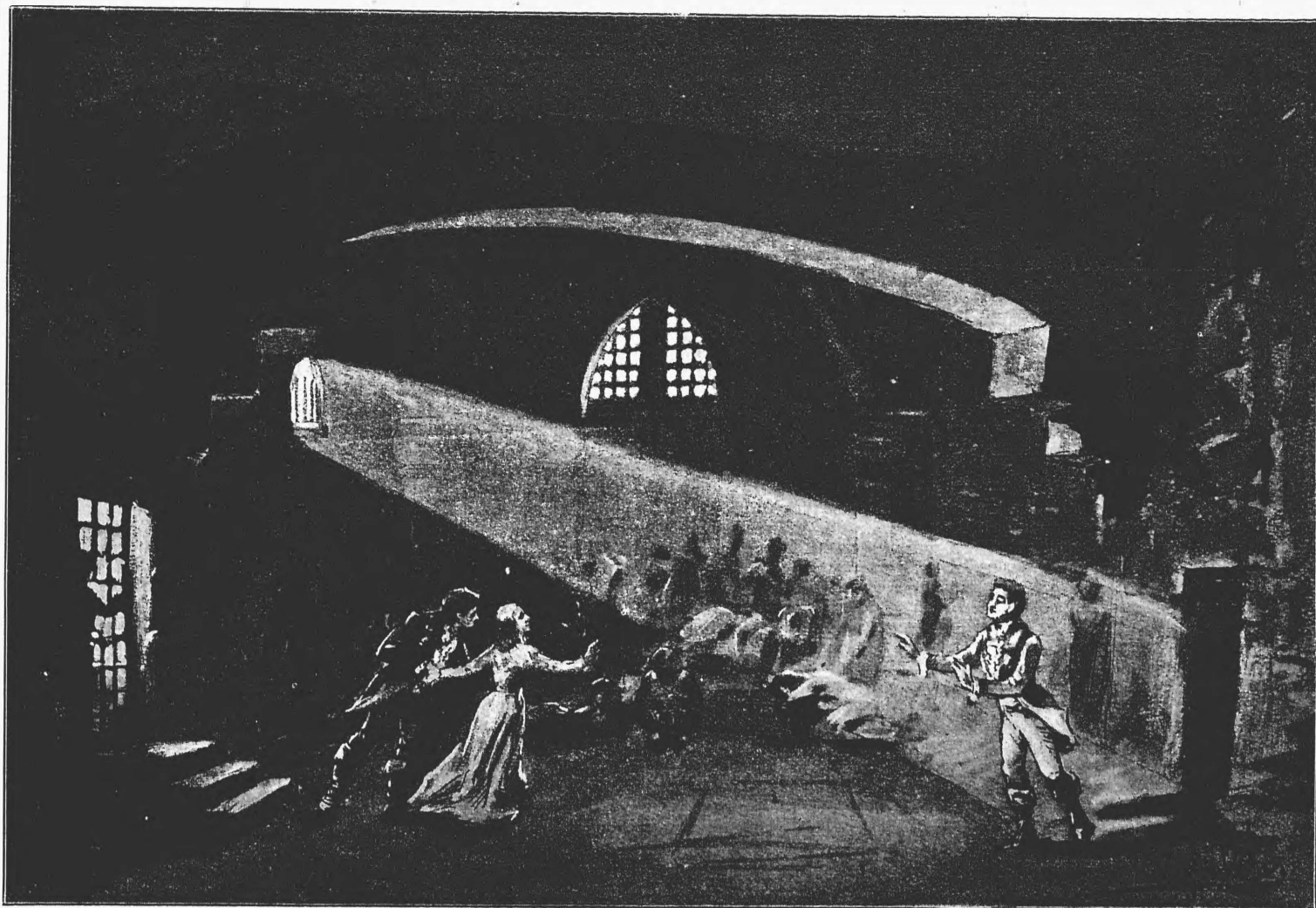
Какъ сообщаютъ «Моск. Вѣд.», на г. Нелидова, назначеннаго чиновникомъ особыхъ порученій при управляющемъ Московскою канторою, возлагается обязанность объединенія и согласованія репертуара драматическихъ спектаклей въ Маломъ и Новомъ театрахъ; затѣмъ наблюденіе за драматическими репетиціями и присутствованіе на нихъ. Кромѣ того, г. Нелидову поручается слѣдить за современнымъ репертуаромъ лучшихъ заграничныхъ сценъ для доклада о появляющихся на нихъ новинкахъ московской дирекціи Императорскихъ театровъ съ примѣрнымъ распределеніемъ ролей въ нихъ между артистами московской драматической труппы. Ученый секретарь Историческаго музея В. И. Сизовъ приглашенъ членомъ-консультантомъ при постановкѣ русскихъ историческихъ пьесъ. Г. Сизовъ явится такимъ образомъ членомъ художественной комиссіи, вновь учреждаемой при московскихъ Императорскихъ театрахъ по инициативѣ В. А. Теляковского. Мысль объ учрежденіи подобной комиссіи, которая будетъ вѣдать художественную часть новыхъ постановокъ, получила одобреніе директора Императорскихъ театровъ кн. С. М. Волконскаго. Предсѣдателемъ комиссіи явится В. А. Теляковский, а членами: начальникъ монтажной части московскихъ Императорскихъ театровъ Г. М. Бершовъ, В. И. Сизовъ и К. А. Коровинъ, недавно приглашенный въ качествѣ театральнаго художника.

* * *

Въ нынѣшнемъ сезонѣ состоятся бенефисы г-жъ Жулевой, Савиной и Потоцкой и гг. Сазонова, Дальскаго, Ленскаго и Медвѣдева. По слухамъ, циркулирующимъ въ театральнѣхъ сферахъ, будутъ также внѣ очереди даны бенефисы г-жѣ Комиссаржевской и г. Варламову. Большой спросъ на новыя пьесы.

* * *

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО - АРТИСТИЧЕСКАГО КРУЖКА.

«За королеву», пьеса А. Дюма.

Послѣдняя картина. «Комната мертвыхъ въ Консертжи».

Ближайшимъ бенефисомъ на сценѣ Малаго театра будетъ бенефисъ К. Н. Рыбакова, назначенный на 26-е октября. Затѣмъ послѣдуютъ бенефисы: В. А. Макшеева — за 25-лѣтнюю службу, Г. Н. Ѳедотовой, М. Н. Ермоловой и А. И. Южина. 24 октября возобновляется комедія П. Д. Боборыкина «Старые счеты».

Въ «Новомъ театрѣ» начались репетиціи пьесы «Глухая стѣна» Ольги Шапиръ.

* *

Комедіи «Биронъ» рѣшительно не везетъ. Сначала распространился слухъ о томъ что ее снимаютъ. Теперь г. Сазоновъ и Давыдовъ отказались, какъ сообщаютъ газеты, играть главную роль въ исторической драмѣ г. Борисова — «Биронъ», и роль передана г. Ге, но по самымъ послѣднимъ слухамъ, и г. Ге отказался отъ роли Бирона. Говорятъ, что теперь передадутъ ее г. Долинову хотя можетъ быть, и онъ откажется. Интересно узнать, чѣмъ же окончится этотъ послѣдовательный (въ нисходящей степени) переходъ изъ однихъ рукъ въ другіе?

* *

П. П. Гнѣдичъ написалъ новую четырехактную комедію, которой дано пока заглавіе «Завѣщаніе».

* *

Авторъ пьесы «Исторія одного увлеченія», І. В. Радзивилловичъ написалъ новую пьесу «Жизнь разбита» («Дядя Громъ»)

Пьеса не лишена психологическаго интереса и написана прекраснымъ языкомъ. Гдѣ будетъ поставлено новое произведеніе даровитаго автора — еще неизвѣстно.

* *

15 сентября г-жа Гримальди должна была выступить въ роли Сванильды въ «Жизели», но ей пришлось протанцевовать только начало 1-го акта. Во время вариации *pas de deux* у артистки подвернулась нога и докончить вариации она, не смотря на всѣ старанія, уже не могла. Балетъ кончала г-жа Кшесинская 2-я.

* *

Малый театр. Литературно-артистическій кружокъ поставилъ на сценѣ Малаго театра, съ подобающей тщательностью, драму Александра Дюма-отца «За Королеву», передѣланную изъ извѣстнаго романа того же автора «Le chevalier de Maison-Rouge». Настоящій талантъ не знаетъ границъ времени и пространства. Мимолетными искрами промелькнули личности, создавшія пожаръ 1793 г. далеко отошла отъ насъ эпоха торжественныхъ убійствъ, нелѣпыхъ насилій и стихійнаго объединенія великаго съ преступнымъ и смѣшнымъ. Года, связавшіе бутафорское взятіе Бастилии съ возникновеніемъ Наполеона, этого блестящаго гастролера исторіи, исчезаютъ уже въ перспективѣ послѣдующихъ событій, скрадывающихъ все лишнее и все случайное. Эпоха эта, всегда бывшая намъ чуждой, имѣетъ для насъ значеніе какъ бы исполинскаго драматическаго представленія, поставленнаго за предѣлами нашего поля зрѣнія. Возсоздавая ее, романъ и драма должны обладать собственно жизне-способностью, иначе они въ насъ интереса не возбуждаютъ. Драматургъ и романистъ необъятной силы, художникъ яркаго письма и невѣроятно широкаго творчества, Дюма-отца, сумѣлъ дать жизнь романтизму, тому самому романтизму, который, въ другихъ рукахъ имѣлъ лишь декоративную цѣнность. Фантазія его, полная неожиданныхъ эффектовъ, проникнута правдивостью въ го-

раздо большей степени, нежели реалистическія измышленія натурализма. Онъ искалъ человѣка въ его душевныхъ движеніяхъ, а не въ покроѣ его одежды. Поэтому произведенія его, хотя бы иногда и небрежно написанныя, будутъ еще живы тогда, когда никто не станетъ придавать значеніе комедіямъ и романамъ его сына, построившаго себѣ извѣстность на поверхностномъ остроуміи и на разработкѣ модныхъ темъ преходящаго интереса. Авторъ „Трехъ мукетеровъ“ силенъ не только размахомъ своей кисти, но и несомнѣнною любовью къ человѣчеству и къ красотѣ. Въ этой любви и содержится причина искренности его творчества. Массу найдемъ мы въ его книгахъ невѣроятныхъ происшествій, но невѣроятное всегда болѣе правдиво, нежели условное, а Дюма сынъ весь зиждется на условной буржуазной морали, на условномъ салонномъ благородствѣ, и условномъ остроуміи. Дюма-отецъ давалъ подчасъ преувеличеніе дѣйствительности, авторъ же „Дамы съ камеліями“ несомнѣнно преувеличивалъ только ложь, оспыывая своей успѣхъ на томъ обстоятельстве, что французскій зритель любитъ, чтобы его обманывали. Если правда, что страусъ, спрятавъ голову въ песокъ, считаетъ себя невидимкой, то, въ этомъ отношеніи, французъ очень похожъ на страуса. Можетъ быть, Дюма-сынъ и списалъ кое-кого изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ съ натуры, а все-таки, набальзамировавъ ихъ по всѣмъ правиламъ сценическаго мастерства, онъ изъ нихъ сдѣлалъ муміи. А. д'Артаньявъ, Атосъ, Портосъ и Арамисъ, разумѣется, никогда не существовали; между тѣмъ, они также живы для насъ, какъ будто Дюма отецъ выхватилъ ихъ живьемъ изъ пороха прошлыхъ столѣтій. „Le chevalier de Maison-Rouge“ по моему самый удачный его романъ послѣ „Трехъ мукетеровъ“. Движеніе въ немъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ возможнаго въ дѣлѣ воссозданія сценологи великаго революціоннаго кризиса. Дѣйствующія лица очерчены рѣзко и выразительно. Они художественно населяютъ область красиваго и трогательнаго замысла. Въ сценической передѣлкѣ, много дѣянаго должно было выпасть. Такъ, нѣтъ слѣда прекрасныхъ страницъ, посвященныхъ захватывающимъ сердце сценамъ, гдѣ описываются страданія безвинной страдалицы королевы и ея несчастнаго сына. Но сила общаго размаха дѣло купно сохранена, въ особености во второй половинѣ драмы. Исполнителямъ же слѣдуетъ помнить, что подобныя драмы нужно играть въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ. Нельзя „трезво“ воспроизводить эпоху всеобщаго опьяненія. Мы то знаемъ теперь, сколько бутафоріи было въ тѣ времена, сколько громкихъ, лживыхъ фразъ, сколько требухи, обложенной въ псевдоклассическія формы въ общемъ порывѣ, объединившемъ крушое съ ничтожнымъ,—но жившіе въ чадѣ 1793 г. не могли того разглядѣть. Для актеровъ, въ данномъ случаѣ, задача заключается не въ изображеніи отдѣльных личностей, а въ олицетвореніи тѣхъ идей и бурныхъ вдохновеній, которые залили всю Францію потокомъ крови. Задача, на мой взглядъ, вполне доступная труппѣ Кружка.

Прозанскъ.

Съ артиста оперной труппы Л. В. Собинова, за отказъ, по болѣзни, отъ участія въ оперѣ „Забава Путятишина“ въ Новомъ театрѣ, 5-го сентября, на основаніи § 3 его контракта произведенъ вычетъ въ размѣрѣ 100 рублей.

Дирекція Петербургскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества доводитъ до свѣдѣнія лицъ, желающихъ поступить въ хоръ общества, что проба голосовъ состоится въ воскресенье, 19-го сентября, въ зданіи консерваторіи, въ 2 часа дня. Условія для пріема: хорошее слухъ и знаніе нотъ. Лица, поступившія въ хоръ, пользуются бесплатнымъ входомъ на симфоническія собранія общества. По примѣру прошлаго сезона, спѣвки будутъ происходить по понедѣльникамъ и четвергамъ, вечеромъ, подъ руководствомъ К. К. фонъ-Баха. Члены хора приглашаются явиться на первую спѣвку, имѣющую быть въ понедѣльникъ, 20-го сентября, въ 8 час. вечера.

Товарищество оперныхъ артистовъ, подъ управленіемъ г. Бестриха, открываетъ сезонъ 26-го сентября, въ залѣ Кононова. Въ составъ труппы войдутъ слѣдующіе артисты: сопрано: г-жи Тамарова, Астафьева, Кунцева, Леонидова; меццо-сопрано: г-жи Пржебылецка, Эдина, Долинская; тенора: гг. Алениковъ, Томмарсъ, Славковъ, Карскій, Борисовъ; баритоны: гг. Вацъ, Гладковъ; басы: гг. Парамоновъ, Дисненко, Бестрихъ; капелмейстеры: гг. Эспозито, Штейнбергъ.

Открытіе сезона италянскіей оперы въ большемъ залѣ консерваторіи состоится 20-го декабря. Персоналъ будущей труппы пока еще не составленъ вполне. Подписаны уже контракты съ слѣдующими артистками и артистами. Сопрано:

г-жи Зигридь Арнольдсонъ, Саломея Крушельницкая и Луиза Тетрачини; меццо-сопрано: г-жи Алиса Сучини и Тильда Каротини; тенора—гг. Мазини, Каруссо и Ф. Гранадосъ; баритоны—гг. М. Батистини и В. Бромбара; басы—гг. В. Аримонди и А. Сильвестри. Капельмейстеръ В. Подести.

Дирекція на предстоящій оперный сезонъ значительно понизила цѣны мѣстамъ.

* * *

Давно, очень давно, еще на зарѣ туманной юности, когда у меня, какъ говорится, еще кровь не „перебродила“ и когда на все смотрѣлось „въ сурезъ“,—попалъ я случайно въ оперетку. Шла „Прекрасная Елена“... Впечатленіе было поразительное и вся моя напускная серьезность полетѣла „кувыркомъ, кувыркомъ“, а вмѣсто ея появилось желаніе отбѣжиться на время отъ высокыхъ матерій и спуститься съ заоблачныхъ странъ на грѣшную землю, чтобы повеселиться и погрѣшнить, какъ веселился и грѣшавъ и всѣ другіе смертные... Иначе говоря, хотѣлось, чтобы въ эти минуты вся жизнь—какъ выражается Липочка Островскаго—„блеснула очаровательно“... Тѣмъ не менѣе на другой день, на вопросъ товарищей, съ которыми въ то время мы по вечерамъ „ломали“ и, по своему, „утилизировали“ Бокля и Шопенгауэра, о томъ, какое впечатленіе произвела оперетка, я отвѣчалъ: „Помилуйте, да это что-то невозможное! Это хуже всякаго балагана. Я, разумѣется, послѣдній разъ въ опереткѣ“. Однако послѣ того и еще десятки разъ смотрѣлъ ту же „Прекрасную Елену“ и, вѣроятно, увижу и вѣдь не одинъ разъ.

Этотъ фактъ припомнился мнѣ на открытіи театра „Фарсъ“. Какія оживленныя лица, какой искренній хохотъ! Видно, что всѣмъ, собравшимся сюда, весело и они не будутъ жалѣть объ этомъ вечерѣ... Правда, завтра большинство, вѣроятно, сюда не явится, ибо далеко не всякій способенъ ежедневно совершать „кувыркомъ, кувыркомъ“. Но пройдетъ недѣля—другая и скачущій петербуржецъ опять придетъ сюда, что бы хотя на нѣсколько минутъ успокоить свои издерганные нервы. Но если вы его спросите даже въ моментъ, когда веселье его дойдетъ до maximum'a, то онъ непремѣнно вамъ солжетъ: „Помилуйте, да вѣдь это—балаганъ... Развѣ можно здѣсь отдохнуть?.. Идешь сюда, знаете ли, потому, что некуда дѣваться. А то, помилуйте, развѣ меня что-либо затанцовало бы сюда. Искусство тутъ, батенька, и не почевало“. И всю эту тираду петербуржецъ произнесетъ съ должнымъ пафосомъ, удивляясь вамъ, какъ вы могли даже мысленно заподозрить его въ томъ, что ему нравится въ данную минуту фарсъ. Вѣдь это онъ такъ себѣ: шелъ мимо, да зашелъ... Словно въ буфетѣ: выпилъ мимоходомъ рюмку водки, другую, основательно закусилъ, а затѣмъ пошелъ громить пьянство.

Отчего же не посмѣяться, разъ весело? Да, и наконецъ, что такое — фарсъ?.. Одни пьесы почему то называются легкими комедіями, другія — фарсами, а между тѣмъ, довольно трудно установить разницу между этими двумя видами. Напр., „Флиртъ“ называютъ легкой комедіей, но по моему съ одинаковымъ правдоподобіемъ эту комедію можно назвать и фарсомъ, ибо тенденціи, идеи, борьбы страстей и другихъ характерныхъ признаковъ драмы и комедіи — вы здѣсь не пайдете. Однако, этотъ фарсъ весьма остроуменъ и смотрится съ удовольствіемъ. Разумѣется, грустно, когда остроуміе переходитъ въ балаганъ, когда живой, естественный смѣхъ вызывается ридомъ „вывертовъ“ и разными „колѣнками“, по это уже другой вопросъ. Это уже будетъ клоунада, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющая. Но я только хочу сказать, что смѣхъ—самъ по себѣ—даже не просвѣтленный—все же „радость жизни“. Можно только радоваться за ту публику, которая умѣетъ хорошо веселиться, хотя бы это веселье не заключало въ себѣ никакой конечной дѣли.

Одинъ мой пріятель по смѣху опредѣляетъ (и довольно вѣрно) даже характеръ встречающихся людей. По его мнѣнію, чѣмъ искреннѣе и разительнѣе смѣхъ, тѣмъ чѣловѣкъ нравственно лучше, добродѣтельнѣе. Не слѣдуетъ также забывать, что фарсъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ фигурируетъ въ настоящее время, есть явленіе въ искусствѣ наносное, искусственно привитое, поэтому разумѣется будетъ время, когда фарсъ замѣнится чѣмъ-нибудь другимъ, можетъ быть, болѣе благороднымъ, но по прежнему, безцѣльно веселымъ и безшабашнымъ.

Однако я слишкомъ отвлёкся въ сторону. Вернемся къ открытію сезона въ театрѣ „Фарсъ“.

Для открытія (15 сентября) были поставлены двѣ пьесы: „Флиртъ“ Балзаккаго и „Дама отъ Максима“, фарсъ въ 3-хъ дѣйств. „Флиртъ“—это въ нѣкоторомъ родѣ классическій фарсъ, обобщеній не только всѣ провинціальныя театры, но и большинство столичныхъ. Цѣлый рядъ остроумныхъ положеній и живой діалогъ дѣлаютъ то, что пьеска смотрится все время съ большимъ интересомъ. Жаль только, что артисты буффонили. Эту комедію едва ли можно играть

сногшибательнымъ фарсомъ. Въ роли Цвѣтаевой выступила новая артистка г-жа Коан-Стрѣльская, имѣвшая известный успѣхъ.

„Дама отъ Максима“ (La dame de chez Maxim) также остроумный фарсъ. Правда, въ русскомъ переводѣ онъ вышелъ болѣе грубымъ, чѣмъ въ оригиналѣ, но все же смотрится очень весело. „Дама отъ Максима“—это по-настоящему почитательница очень популярнаго ресторана-кабачка Максима въ Парижѣ, очутившаяся въ квартирѣ почтеннаго доктора Петтиона. Здѣсь происходитъ цѣлый рядъ забавныхъ злоключеній съ Петтиономъ, оканчивающихся, впрочемъ, довольно благополучно, благодаря изобрѣтенному Петтиономъ особому электрическому креслу. Изъ исполнителей наибольшій успѣхъ имѣли: г-жа Воронцова-Ленин (Моли-Бревольт) и гг. Ленин (Петтионъ), Гориппъ-Горийновъ (Монжикуръ).

Въ „Флиртѣ“, кроме г-жи Коан-Стрѣльской, имѣли успѣхъ также гг. Сабуровъ и Васмановъ. *Вл. Линскій.*

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. Балетный сезонъ въ Большомъ театрѣ открылся 1-го сентября „московскимъ“ балетомъ „Звѣзды“ съ талантливой Л. А. Рославлевой въ роли утренней звѣзды и г-жей Гельцеръ въ роли Клармондъ. Новинкою текущаго сезона является, по слухамъ, „Раймонда“ и кроме того, предполагается возобновленіе нѣсколькихъ балетовъ, не шедшихъ въ прошломъ сезонѣ. Въ концѣ настоящаго года предстоить бенефисъ почтеннаго капельмейстера С. И. Рябова по поводу истекающаго 50-лѣтія его службы при Императорскихъ театрахъ.

12-го сентября былъ возобновленъ известный балетъ „Тщетная предосторожность“ съ нѣкоторыми измѣненіями въ постановкѣ танцевъ, сдѣланными балетмейстеромъ г. Хлюстиннымъ. Роль Лизы, какъ и всегда, художественно исполнила г-жа Джюри, Колэна—экстерный ученикъ г. Мордкинъ, которому, судя по его первымъ шагамъ на артистическомъ поприщѣ, можно предсказать хорошую будущность. Въ томъ же спектаклѣ шелъ и веселый „Привалъ кавалеріи“, въ которомъ роли Марин и Терезы очень мило и граціозно исполняютъ г-жи Шарпантье и Гельцеръ. Нельзя не отмѣтить поведение черезчуръ пылкихъ „обожателей“ г-жи Гельцеръ изъ верхнихъ ярусовъ, преимущественно юнкеровъ и школьниковъ всѣхъ ранговъ, которые въ восторгѣ своихъ восторговъ переходятъ всякія границы приличія. Каждое на г-жи Гельцеръ сопровождалось съ ихъ стороны дикими криками одобренія, которые положительно заглушали оркестръ, смущали зрителей и артистовъ, да вѣроятно, не доставляли особаго удовольствія и самой г-жѣ Гельцеръ, которая успѣла заявить себя талантливой балериной и врядъ ли пуждается въ такихъ дикихъ формахъ одобренія. По окончаніи спектакля, крики „Гельцеръ solo!“ сдѣлались еще болѣе оглушительными, и партеръ, вызывавшій кроме г-жи Гельцеръ г-жу Шарпантье, естественно не могъ совладать съ безуміемъ верхнихъ ярусовъ. Это уже не восторги, а нарушеніе благочинія.

Подписчикъ.

9 сентября въ оперѣ „Садко“ выступилъ въ первый разъ г. Розановъ. Артистъ имѣлъ значительный успѣхъ. Первой новинкой будетъ опера „Громобой“. Партія распределена между г-жами Ванъ-дербъ-Вейде, Забѣлло, Ростовцевой и гг. Секаръ-Рожанскимъ, Оленинымъ и Тарасовымъ.

Артистъ П. К. Дьяконовъ дебютировалъ 16 сентября въ театрѣ Корша и имѣлъ большой успѣхъ. Съ артистомъ уже заключенъ контрактъ.

8 сентября въ театрѣ Корша состоялся второй дебютъ г. Карамазова, который выступилъ въ „Илмовѣ“. Въѣшній успѣхъ артиста былъ очень большой, хотя онъ черезчуръ, выражаясь тривиально, переборщилъ въ опрощеніи Илмова. Онъ слишкомъ ужъ подчеркивалъ разслабленность героя. Недурна была г-жа Годубева въ роли жены.

10-го сентября былъ поставленъ въ 1-й разъ новый фарсъ г. Чинарова „Морское купанье“. Фарсъ—въ общемъ—скупень, хотя попадаются живыя сценки.

* * *

Въ „Пет. Вѣдом.“ находимъ подробный и, можно сказать, оффиціальный текстъ рѣчи, произнесенной г. директоромъ Императорскихъ театровъ въ Москвѣ. Приводимъ рѣчь въ этомъ изданіи.

„Привѣтствую васъ, господа, и радуюсь знакомству съ вами. Вы поймете мою радость, когда вспомните, какими чувствами наполняется сердце всякаго русскаго человѣка при мысли о московскомъ Маломъ театрѣ.

„По случаю нашего перваго знакомства я позволю себѣ высказаться вкратцѣ о томъ, что я надѣюсь найти здѣсь и чего я въ правѣ ожидать отъ васъ.

„Прежде всего я расчитываю на точное и неукоснительное исполненіе вами всѣхъ правилъ и предписаній, дѣлаемыхъ дирекціей Императорскихъ театровъ.

„Второе, что я надѣюсь найти въ васъ, это уваженіе къ своему дѣлу и уваженіе къ своей роли, какова бы она по размѣрамъ и значенію въ пьесѣ ни была. Пусть старшіе выдающиеся представители сцены подають въ томъ примѣръ младшимъ товарищамъ, а послѣдніе пусть не смущаются малыми размѣрами поручаемыхъ имъ ролей. Прошу васъ относиться серьезно къ репетиціямъ, ибо глубоко ошибоченъ тотъ взглядъ, по которому вамъ достаточно учить роли дома. Нѣтъ,—необходимо заниматься и на репетиціяхъ. И только тогда на спектакляхъ получится та желательная цѣльность, то необходимое согласіе и полнота художественнаго впечатлѣнія, которое можно охарактеризовать словомъ—школа и которую газеты приучились называть ансамблемъ.

„Третье, что я отъ васъ прошу, это любви и уваженія къ родному классическому репертуару. Пусть такія пьесы, какъ „Недоросль“, „Ревизоръ“, „Горе отъ ума“, многія пьесы Островскаго, нѣкоторыя драматическія произведенія Пушкина будутъ у васъ всегда наготовѣ, чтобы вы по первому же зову могли блеснуть ихъ образцовымъ исполненіемъ. Точно также

Ю. М. Юрьевъ.

(въ роли Царя Ѳедора Іоанновича).

не надо забывать и иностраннаго классическаго репертуара: Гете, Шекспиръ, Шиллеръ, Мольеръ должны исполняться вами съ особымъ уваженіемъ, съ особенною любовью. Въ частности по отношенію къ Мольеру желательнѣе чтобы его пьесы ставились по той планировкѣ, какъ онъ идуть на той сценѣ, на которой ихъ первоначально ставилъ самъ ихъ авторъ.

„Наконецъ прошу васъ, господа, свято хранить чистоту русскаго рѣчи. Академія Наукъ, издавая словари и руководства, учить публику, какъ надо правильно писать и говорить по-русски, правильному же и вѣрному произношенію должны научить вы. Сцена да будетъ „изустной Академіей русскаго языка“, и тогда всякій любящій свою родину, скажетъ вамъ свое глубокое и сердечное спасибо.

„Очень радъ, господа, случаю познакомиться съ вами, поздравляю васъ съ блестящимъ началомъ сезона, пусть онъ продолжается такъ же хорошо и дальше. Общество будетъ благодарно вамъ за художественное наслажденіе, которое вы ему доставите, и вы тѣмъ самымъ получите полное духовное самоудовлетвореніе.

НЕИЗДАННЫЙ РИСУНОКЪ К. П. БРЮЛОВА.

Изъ бумагъ А. Н. Оленина.

Въ тотъ же день представлялась оперная и балетная труппа, къ которой кн. С. М. Волконскій также обратился съ рѣчью. Въ этой рѣчи директоръ просилъ актеровъ серьезно относиться къ своему дѣлу и точно исполнять все правила и предписанія. Свою рѣчь онъ закончилъ слѣдующими словами:

«И, любя дѣло, которому вы служите, вы будете жить дружно, тѣсною семьей, и «театральный плотникъ» будетъ радоваться и гордиться успѣхомъ примадонны». Находясь на первомъ планѣ, видя свое имя на афишахъ, не забывайте о своихъ младшихъ товарищахъ, подавайте должный примѣръ и хору, въ его тяжеломъ трудѣ».

Князь С. М. Волконскій обѣщалъ также позаботиться о матеріальномъ положеніи хора. Что же касается оркестра, то вотъ заключительныя слова рѣчи директора, обращенной къ музыкантамъ:

«Тотъ, кто выше всего ставитъ «Сомнамбулу» или «Норму», тотъ, конечно, будетъ скучать на исполненіи «Снѣгурочки», но это не должно смущать почитателей лучшихъ произведений новой русской музыкальной школы, ибо было время, что и «Донъ-Жуанъ» Моцарта многимъ не нравился именно потому, что въ немъ, по ихъ мнѣнію, отводилась слишкомъ большая роль оркестру, изъ-за котораго будто бы не было слышно пѣвцовъ».

† А. М. Мионовъ. На этихъ дняхъ въ Вильнѣ скопался небезызвѣстный въ мѣстныхъ театральныя кружкахъ—А. М. Мионовъ. Покойный нѣсколько лѣтъ подрядъ завѣдывалъ театральнымъ отдѣломъ въ газетѣ «Виленьскій Вѣстникъ», а также состоялъ корреспондентомъ нашего журнала. Наиболѣе его крупныя рецензіи и статьи по вопросамъ театра были выпущены отдѣльной книгой. Мионовъ также написалъ нѣсколько одноактныхъ пьесъ, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить оригинальную и остроумную комедію «Сорвалось», только недавно съ успѣхомъ поставленную на сценѣ Виленьскаго театра.

Хотя покойный и отличался слабымъ здоровьемъ, но смерть его—тѣмъ не менѣе—явилась совершенно неожиданной.

По поводу нашей замѣтки о публикаціяхъ побѣдопоснаго Юлія Цезаря Циммермана съ лубочнымъ портретомъ Андреева, мы получили слѣдующее, не лишнее интереса письмо.

«Фактъ этотъ наводитъ, вообще, на нѣкоторыя грустныя размышленія. Прежде всего балалайка—чисто русскій, національный инструментъ, надъ усовершенствованіемъ котораго трудились русскіе мастера. Къ первоначальной примитивной балалайкѣ, популяризованной В. В. Андреевымъ, теперь уже прибавился цѣлый рядъ новыхъ музыкальных инструментовъ (контръ-басъ, басъ, теноръ-альтъ, пиколо-альтъ и др.), составившихъ вмѣстѣ цѣлый балалаечный хоръ или върѣе—оркестръ. Все эти инструменты представляютъ, впрочемъ, разновидности той же балалайки. Изъ русскихъ мастеровъ, работавшихъ надъ балалайками, назовемъ хотя бы Ф. Пасербскаго, которому собственно принадлежитъ честь технического усовершенствованія новѣйшей балалайки. А что мы видимъ? Пришелъ нѣмецъ Юліусъ Генрихъ и объявилъ своимъ изобрѣтеніемъ русскій инструментъ. Что нѣмцы могутъ дѣлать превосходные контробасы—это понятно, но балалайка—то хотя бы оставили русскому мастеру. Единственный русскій инструментъ и тотъ онѣмечился. Совѣмъ, какъ у Щедрина: «нѣмцу все можно—у нѣмца русская душа».

Настоящій, неизданный и нигдѣ не появлявшійся, рисунокъ К. П. Брюлова полученъ нами отъ одного изъ нашихъ любезныхъ читателей П. Оленина. Извлекаемъ изъ письма нѣкоторыя любопытныя подробности.

«Въ серединѣ находилъ, кажется, танцовщица Истомина, по сторонамъ русскіе писатели того времени, между которыми можно узнать Пушкина, Крылова, Гнѣдича, Греча. Подлинникъ происходитъ изъ бумагъ покойнаго президента Академіи Художествъ, А. Н. Оленина, моего прадѣда, и потому можно быть увѣреннымъ въ современномъ происхожденіи рисунка. Пасколько мнѣ извѣстно, это черновой набросокъ К. П. Брюлова, который былъ своимъ человекомъ въ домѣ моего прадѣда, равно какъ Пушкинъ, Гнѣдичъ, Крыловъ и др.»

Антрепренеръ Владикавказскаго театра, г. Никулинъ, находится въ настоящее время въ Петербургѣ, гдѣ усиленно хлопочетъ о разрѣшеніи ему къ постановкѣ во Владикавказскомъ театрѣ пьесъ: «Царь Федоръ Ивановичъ», «Новый мѣръ» и «Изманилъ».

Н. О. Сазоновъ, вопреки слухамъ, не собирается оставлять должности директора народныхъ театровъ.

Въ Воскресенье, 12-го сентября, состоялось закрытіе сезона въ театрѣ Невскаго Общества устройства народныхъ развлеченій. Въ теченіе сезона было поставлено 29 спектаклей, посвященныхъ произведеніямъ: Шекспира («Король Лиръ», «Буря»), «Зимняя сказка» и «Виндзорскія проказницы»), Островскаго («Снѣгурочка», «Доходное мѣсто», «На бойкомъ мѣстѣ», «Не въ свои сани не садись» и др.), Мольера («Тартюфъ» и «Мѣшанинъ во дворянствѣ»), Бомарше («Севильскій цирюльникъ») и др. Кромѣ того одинъ спектакль былъ посвященъ оперѣ («Галька»). Какъ самый репертуаръ, такъ и режиссерская сторона заслуживали полной похвалы. Изъ исполнителей, потрудившихся этотъ сезонъ «на пользу народную», слѣдуетъ отмѣтить: г-жъ Рене, Погребову, принимающую, впрочемъ, участіе только въ послѣднихъ спектакляхъ, Изюмову и молодую артистку г-жу Немерцалову; гг. Свѣтлова, талантливаго комика и прекраснаго режиссера, Алексина, Боярскаго, Озерова и отчасти Юрьевскаго. Никакихъ фокусовъ по отношенію къ актерамъ, вродѣ пресловутыхъ «попѣстокъ» и «распоряженій»,—не придумывалось. Актерамъ жилось очень легко, чего нельзя сказать про многіе другіе народные театры, гдѣ формализмъ и чиновничество систематически принижали личностъ артиста.

Вообще Невское Общество—это одно изъ тѣхъ симпатичныхъ учреждений, какихъ дай Богъ побольше. Недаромъ первый съѣздъ сценическихъ дѣятелей въ одной изъ своихъ резолюцій призналъ дѣятельность этого общества заслуживающей «поощренія» со стороны устроителей всѣхъ другихъ народныхъ театровъ.

Для закрытія сезона была поставлена комедія Островскаго «Не въ свои сани не садись», очень недурно разыгранная мѣстной труппой. Режиссеръ получилъ подарокъ отъ труппы, а г-жа Рене и г. Алексинъ—цвѣточныя подношенія отъ публики.

Посѣтителей за сезонъ было 92,000 человекъ, т. е. на каждый спектакль приходится около 3,100 человекъ. Въ сезонъ 1898 г. въ среднемъ на каждый спектакль приходилось 3,200 посѣтителей.

В. Л.

Шлиссельбургскій театръ снятъ на зимній сезонъ артистомъ Н. С. Тимиревымъ. Въ составъ труппы вошли: г-жи Немерцалова, Григорьева, Изюмова и др.; гг. Тимиревъ, Гинкуловъ, Озеровъ, Аржанниковъ, Кальверъ, Райскій и др. Открытіе 3-го или 4-го октября.

Пьеса настроенія.

(„Забава“).

По поводу поставленной на Михайловской сценѣ „Забава“ („Liebesel“) Артура Шницлера мнѣ пришлось и читать, и слышать, что это—по преимуществу пьеса настроенія. Теперь такое опредѣленіе начинается у насъ входить въ моду, превращается въ стереотипъ. О настроеніи говорятъ и по поводу картинъ, и по поводу романовъ, и особенно по поводу пьесъ.

Посмотримъ, однако, ближе въ чемъ дѣло. Идею настроенія популяризовали господа французскіе символисты и иные новаторы искусства. Известные стихи Поля Верлена „о бѣлыхъ лебедяхъ, улетающихъ на югъ“ могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ этой теоріи. Стихи какъ стихи, и ничего нѣтъ въ нихъ особеннаго, кромѣ нѣсколькихъ перловъ безсмыслицы. Но когда вы читаете эти стихи, когда вы скандуете ихъ медленнымъ, разнѣреннымъ темпомъ, когда часто повторяющійся въ нихъ звукъ „л“, ударяетъ по ушной перепонкѣ, какъ замирающій стонъ далекаго колокола—вы начинаете чувствовать, какъ вамъ становится грустно, неимоверно грустно, и вамъ жаль этихъ бѣлыхъ лебедей, улетающихъ отъ родныхъ береговъ къ необозримымъ пескамъ пустыни, жаль и себя, и близкихъ вамъ. Это какой-то самогипнозъ, достигнутый звуковымъ сочетаніемъ. Страхните съ себя очарованіе,—и передъ вами только рядъ строкъ, мѣстами красиво написанныхъ, мѣстами поражающихъ курьезами, и больше ничего.

Такова сущность „настроенія“ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Оно вызывается такимъ подборомъ деталей, которые при строгомъ, логическомъ разслѣдованіи не могутъ дать, такъ сказать, „оправдательныхъ документовъ“, на основаніи которыхъ лились слезы или раздавался смѣхъ... Рядъ изломанныхъ линій, причудливо между собой переплетенныхъ и теряющихся въ пространствѣ—вызываетъ въ васъ грустныя мысли объ одиночествѣ, рядъ слоговъ, находящихся въ известномъ сочетаніи и повтореніи извѣстныхъ гласныхъ—наполняетъ вашу душу ликованіемъ... Вотъ идеалъ символистовъ, инструменталистовъ и каждого изъ тѣхъ, о которыхъ поэтъ сказалъ: „въ цвѣткѣ онъ звукъ услышать радъ, а въ звукѣ чуетъ ароматъ“...

И вотъ, когда говорятъ о „пьесѣ настроенія“, я себѣ представляю дѣло такимъ образомъ. На сценѣ ведется рядъ діалоговъ, происходягъ, по всѣмъ правиламъ сценической техники, нарастающаго и понижающаго дѣйствія—и по мѣрѣ всего этого, зритель ощущаетъ приливы то безотчетнаго, — именно *безотчетнаго*, — горя, то пароксизмъ просвѣтленной радости. И затѣмъ, выходя изъ театра, онъ непременно долженъ спросить содѣла:

— Да позвольте, почему это у меня слезы выступали въ такой-то сценѣ, а въ концѣ пьесы сердце наполнилось ликованіемъ?!

И содѣла на это долженъ непременно отвѣтить:

— Дѣйствительно, страшная исторія. Если теперь обдумать и разсудить логически, то въ пьесѣ собственно не было никакихъ такихъ элементовъ, которые могли бы васъ растрогать до такой степени... Хоть убейте—не пойму, чего это мы такъ волновались... Навожденіе какое-то...

Такимъ образомъ, мнѣ кажется, для пьесы настроенія необходимо прежде всего, чтобы на лицо былъ элементъ безотчетности. Этотъ элементъ въ изобиліи имѣется, напримеръ, въ „Ганнелѣ“ и „Потоувшемъ колоколѣ“. Попробуйте спросить любого зрителя, почему онъ чувствуетъ себя то подавленнымъ, то духовно возвеличеннымъ по мѣрѣ развитія этихъ пьесъ—и онъ вамъ едва сумѣетъ дать точный отвѣтъ.

Если же, выходя изъ театра, вы скажете хотя бы такъ: „съ какою трагическою силой написана такая-то сцена—не даромъ у меня выступили слезы на глазахъ“, или „сколько яркости и остроумія въ такой-то сценѣ—не даромъ я хохоталъ отъ души“, тогда такую пьесу никакъ нельзя назвать „пьесой настроенія“. Назовите ее реальной пьесой, пьесой живой дѣйствительности, пьесой характеровъ—какъ хотите. Ибо вы шагъ за шагомъ, пядь за пядью можете дать себѣ отчетъ, почему въ васъ пробудились тѣ или иные чувства.

Еще три года тому назадъ, когда я смотрѣлъ пьесу Шницлера въ прекрасномъ исполненіи нѣмецкой труппы г-на Вока, мнѣ очень страннымъ показался пущенный въ оборотъ тогда же приговоръ нѣсколькихъ критиковъ: „пьеса настроенія“... Пьеса настроенія?.. Позвольте!.. Почему же?..

Читатель изъ московскаго письма, помѣщеннаго въ прошломъ номерѣ, знаетъ уже приблизительно содержаніе пьесы и я не буду его утруждать повтореніемъ. Съ перваго же подыятія, занавѣса, съ перваго же момента вы ви-

(Набросокъ нашего художника).

дите, какъ передъ вами кидитъ и нарастаетъ настоящая жизнь. Пятрижка, затѣянная двумя буршами съ двумя мѣщаночками, пирушка, устраиваемая на товарищескихъ началахъ, съ объятіями, поцѣлуями, цвѣтами и обильными возліяніями — это сцена, напрашивающаяся на полотно жанриста, и нисколько не требующая символическаго воплощенія...

Хорошо, скажете вы, но что кроется за этой жанровой картиной? Да, тамъ кроются зачатки настоящей трагедіи, и эта трагедія ясна и общепонята, въ ней нѣтъ никакихъ элементовъ *безотчетности* и зритель съ перваго же момента видитъ зияющую пропасть, передъ нимъ открывающуюся. Первая дѣвственная любовь Христины къ Фрицу, обычное студенческое увлеченіе послѣдняго „дамой изъ общества“ и фатальное появленіе оскорбленнаго и обезчещеннаго мужа—да, все это такъ жизненно, все это такъ просто. До того просто, что уже послѣ перваго дѣйствія зритель самъ, не дожидаясь разсказа автора, отлично знаетъ, что будетъ дальше. И смерть Фрица, и гибель Христины для него дѣло предрѣшенное... Я бы

сказалъ, даже, что въ первомъ дѣйствіи авторъ съ слишкомъ большою ясностью показалъ всѣ нити драмы и поэтому не оставилъ мѣста для какихъ нибудь гадательныхъ настроеній. Съ точки зрѣнія сценической перспективы, это, пожалуй, большая, ошибка такъ какъ публика цѣликомъ охвачена интересомъ самой завязки пьесы, и дальнѣйшее ужъ не можетъ дать ей и не даетъ ничего новаго. Но все это еще болѣе утверждаетъ меня въ мысли, что пьеса Шницлера—пьеса реальная по преимуществу, простая и естественная по фактурѣ.

Мнѣ бы хотѣлось сказать еще нѣсколько словъ по поводу постановки и исполненія пьесы. Поставлена она едва-ли такъ, какъ слѣдуетъ и какъ можно было бы. Первое дѣйствіе — комната двухъ буршей напоминаетъ собою скорѣе рюстину кокоетки, начиная съ мягкихъ лонгшезовъ и кончая уютными цвѣточными уголками. Сами „бурши“ съ вѣдшей стороны—въ лицѣ господъ Юрьевъ и Ридаль—также очень мало напоминали нѣмецкихъ студентовъ. Это были очень милые молодые департаментскіе чиновники или бухгалтеры банкирской конторы. Въ нѣмецкихъ исполнителяхъ этихъ ролей чувствовался особый отпечатокъ „буршества“. Если этого русскіе исполнители достигнуть не могли, то слѣдовало хотя бы надѣлать ихъ вѣшными „знаками отличія“—корпоративными шапочками, ботфортами, трехцвѣтными лентами. А на сцѣны необходимо было повѣсить наборъ рапиръ, масокъ и перчатокъ—эти необходимыя эмблемы всякой студенческой комнаты. Такими подробностями былъ бы достигнутъ хотя нѣкоторый *coûfleur local*, который на этотъ разъ совершенно отсутствовалъ, и всѣ перипетіи драмы происходили „въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ“.

Нельзя одобрить и постановки второго и третьяго акта. Комната скромнаго театральнаго музыканта Вейринга носила печать хорошаго барскаго дома. Солидная, старинная мебель, убранство стѣн—ничто не говорило о бѣдности его обитателей. И еще одна важная подробность. Дѣйствующія лица все время говорятъ, что Вейрингъ живетъ на пятомъ этажѣ, что видъ изъ его окна открывается на крыши сосѣднихъ домовъ. Зрителю предоставляется вѣрить исполнителямъ на слово. Тогда какъ въ постановкѣ труппы Бока этого дѣлать не приходилось. Окно въ задней стѣнѣ дѣйствительно открывало широкій видъ на „чердачную“ Вѣну. Рисовались купола церквей, фабричныя трубы и павильоны дворцовъ. Эта задняя декорация навѣрное валяется гдѣ нибудь въ складѣ дирекціи, но ее не догадались или полѣнились извлечь оттуда...

Объ исполненіи приходится сказать также мало утѣшительнаго. Довольно неопредѣленный образъ далъ г. Юрьевъ (Фрицъ). Съ перваго же момента онъ взялъ мрачно-трагическій тонъ, и къ концу пьесы, не усиливая тона, превратилъ его въ сплошное нытье. Въ извѣстной степени вгорила своему партнеру и г-жа Коммисаржевская (Христина). Но всѣ погрѣшности исполненія она загладила удивительными по напряженію моментами, которыя она дала въ финальной сценѣ пьесы. Въ правильномъ тожѣ и по указаніямъ автора, играла одна только г-жа Потockая. Это была настоящая вѣнская модисточка, которая съ наивностью, доходящею до граціи, готова кого угодно любить, съ кѣмъ угодно пить и веселиться. Г-нъ Ридаль (Кайзеръ) поддерживалъ беззаботное веселіе г-жи Потockой, но для студента онъ былъ ужъ слишкомъ простъ и ничѣмъ не обнаруживалъ своего интеллектуальнаго превосходства надъ необразованной „дочерью улиды“.

Импрессионистъ.

Цыпленокъ.

Они были неразлучны, — Любавинъ, Красавинъ и Костеркинъ. Они служили въ одномъ театрѣ третій годъ и занимали одно и то же положеніе въ труппѣ. Зависти, какъ это бываетъ у артистовъ, занимающихъ одинаковыя роли, или на-мека на конкуренцію и состязаніе между товарищами не было.

Бывали ли они заняты въ пьесѣ или нѣтъ,—все равно они каждый день являлись въ театръ, и просиживая либо въ курилкѣ, — темной, обитой желѣзомъ, затхлою комнатѣ, — гдѣ рассказывались въ перемежку съ циничными анекдотами, разными закулисными слетни, либо въ кассѣ. Еще самъ представитель товарищества не знаетъ вечероваго сбора, а который нибудь изъ нихъ является въ курилку и торжественно заявляетъ:

— Сегодня шестьсотъ двадцать три.

Никто не умѣлъ съ такою точностью опредѣлить, сколько получится на марку въ предстоящій полу-мѣсяцъ, какъ они.

Первенствующее положеніе въ компаніи занималъ Любавинъ. Объяснялось это тѣмъ, что во-первыхъ, онъ получалъ болѣе всѣхъ жалованья — тридцать рублей, во-вторыхъ, онъ былъ огромнаго роста и необычайной силы, и въ-третьихъ, носилъ длинное пальто-пальмерстомъ, перчатки, и былъ обладателемъ чернаго сюртука.

Но онъ не былъ гордъ, когда ему попадалась роль съ фразой, онъ обыкновенно не обращалъ на это никакого вниманія и даже умудрялся перепутать свои слова.

Но что онъ дѣйствительно считалъ своимъ призваніемъ—это роли безмолвныхъ лакеевъ, выѣздныхъ и особенно кучеровъ.

Какъ-то разъ, играя кучера съ извѣстнымъ столичнымъ актеромъ, пріѣзжавшимъ на гастроль, онъ удостоился милостивыхъ словъ.

— А ты, братъ, того... сказалъ столичный гость, хлопая по плечу Любавина, — кучера ничего, хорошо сыгралъ. Знаешь, этакъ руку отставилъ... характерно, очень характерно...

И онъ показалъ, какъ тотъ отставлялъ руку, и захохоталъ...

Съ тѣхъ поръ Любавинъ считалъ роли кучеровъ присвоенными только ему одному.

Если когда-либо подобная роль поручалась другому актеру, то онъ отправлялся въ зрительный залъ и смотрѣлъ съ ядовитой, язвительной улыбкой на исполнителя.

— Тоже кучерь!.. говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ своимъ пріятелямъ и находилъ въ нихъ живое сочувствіе своему обиженному самолюбію.

У Красавина тоже были свои излюбленные роли. Но онъ въ нихъ подвизался менѣе успѣшно, чѣмъ Любавинъ. Его спеціальностью были роли, такъ сказать, полицейскія—городовыхъ, урядниковъ, околоточныхъ и даже частнаго пристава. При постановкѣ „Юлія Цезаря“, начальникъ ликторовъ былъ приравненъ къ околоточному надзирателю, — и роль эта была передана Красавину.

Что касается Костеркина, то прозванный въ труппѣ за свою вѣчно мрачную и унылую физиономію Касторкинымъ, онъ не имѣлъ рѣшительно никакой спеціальности. Лакеевъ, заговорщиковъ, убійцъ, кредиторовъ, солдатъ онъ игралъ съ одинаковымъ суровымъ видомъ. Не смотря на различіе характеровъ, всѣ трое составляли неразлучное цѣлое. Они жили вмѣстѣ, снимая „полторы“, какъ они говорили, комнаты у вдовы канцелярскаго служителя Пупончи-

ковой за четыре рубля въ мѣсяцъ. Въ тѣ немногіе часы, которые имъ приходилось проводить внѣ театра, всѣ ихъ мысли были направлены на то, чтобы достать выпивку и закуску.

Когда запасъ денегъ исчезалъ, былъ еще выходъ: пойти въ гости къ какой нибудь изъ выходныхъ актрисъ, съ которыми они были въ большой дружбѣ. Подчасъ расчеты оправдывались, но, увы, не всегда.

Въ такихъ случаяхъ Любавинъ ложился на кровать (какъ глава общежитія, онъ пользовался привилегіей, ибо Красавинъ спалъ на диванѣ, а Костеркинъ на топчанѣ) — и принимался разсуждать.

— И чего-то я бросилъ Пряникову? недоумѣвалъ онъ. — Жилъ, какъ сыръ въ маслѣ катался. Каждый день водка, пиво, вино... И баба хорошая...

Красавинъ тоже удивлялся непостоянству своего друга, а Костеркинъ мрачно вздыхалъ. Онъ болѣе другихъ томился по рюмочкѣ.

Однажды во время репетиціи, когда на сценѣ, готовя второй актъ, помощникъ режиссера переставлялъ стулья, изображавшіе двери, диваны и кресла, — въ курилку вошелъ представитель товарищества, ведя за собой маленькаго тщедушнаго юношу.

Ему было не болѣе восемнадцати лѣтъ. Онъ былъ одѣтъ въ короткое выше колѣнъ пальто, съ поднятымъ воротникомъ, свѣтлыя съ желтыми пятнами брюки, и рыжіе стоптанные сапоги.

— Вотъ-съ, сказалъ, указывая на юношу, представитель, — я вамъ новаго актера привелъ. За него просилъ Петръ Осиповичъ, уже конфиденціально шепнулъ онъ режиссеру. — Я ему и опредѣлилъ шестнадцать рублей. Вы тамъ давайте ему выходныя роли.

Режиссеръ поморщился.

— Послушайте, Любавинъ, сказалъ онъ. — Вотъ вамъ еще одинъ товарищъ.

И онъ подвелъ къ Любавину оробѣвшаго новаго артиста.

Любавинъ посмотрѣлъ на него свысока, мыча что-то себѣ подъ носъ.

Комическая фигура новичка и его странный костюмъ вызвали у актеровъ улыбку.

— Какъ ваша фамилія? спросилъ у новичка высокій полный премьеръ, считавшійся въ труппѣ острякомъ.

«Обозрѣніе вѣка» въ Парижскомъ клубѣ «Союзъ артистовъ».

(А. де Мюссе. Жоржъ-Зандъ).

См. За границей.

— Перуновъ, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ вы сказали? переспросилъ премьеръ, коверкая фамилію.

Въ курилкѣ захохотали. Изъ актрисъ многія возмутились.

Перуновъ стоялъ сконфуженный. Передъ своимъ поступленіемъ, онъ долго думалъ какую избрать себѣ фамилію. вмѣстѣ съ своимъ другомъ, ученикомъ четвертаго класса семинаріи Богодуховымъ, они ломали голову надъ многими псевдонимами, пока не остановились на Перуновѣ.

— И громко, и звучно! говорилъ Богодуховъ. — Перуновъ! Гамлетъ, Лиръ, Отелло!.. говорилъ Богодуховъ, замуривая отъ удовольствія глаза и тряся своей лохматой головой, — у, хорошо!

И теперь, когда всѣ эти люди такъ смѣялись надъ Перуновымъ, онъ сконфуженный и растерявшійся, стоялъ посреди комнаты, не зная куда дѣться, и съ тоской думалъ о Богодуховѣ и его совѣтахъ...

— А вы на какія собственно роли поступили? спросилъ опять премьеръ.

— Не знаю, лепеталъ Перуновъ.

— Ну, а предпочитаете? Вы вѣдь играли въ любительскихъ спектакляхъ?

— Игралъ!

— Какія же роли вы играли?

— Трагическія, отвѣтилъ тотъ, вспоминая, какъ онъ съ товарищами по рисовальной школѣ, игралъ лѣтомъ въ сараѣ Гамлета, послѣ чего Петръ Осиповичъ, которому надоѣло платить за своего воспитанника, рѣшилъ опредѣлить его въ театръ.

— Ахъ, такъ вы трагикъ? Прекрасно. Трагикъ Перуновъ! Чудесно!

Собраніе хохотало. Даже помощникъ режиссера, пришедшій сказать, что все готово къ репетиціи, забылъ объ этомъ и стоялъ у дверей, смѣясь.

У Перунова на глазахъ стояли слезы. Онъ безпомощно оглядывался во все стороны, зачѣмъ-то подносилъ руки къ лицу и снова пряталъ ихъ въ карманы.

Сидѣвшая у стѣны толстая, пожилая, но молодящаяся актриса на выходныя роли, первая сжалась надъ Перуновымъ.

— Чего вы травите его? сказала она.—Посмотрите, вѣдь онъ совсѣмъ цыпленокъ.

— Онъ можетъ быть и пѣтушкомъ! сказалъ премьеръ, обнимая толстую актрису.

— Ну, ты! замахнулась она на него.

— Перуновъ, подите сюда, позвала она юношу.

Тотъ подошелъ.

— Курица пѣтушка спрятала подъ крылышко, замѣтилъ премьеръ, и самъ первый захохоталъ. Но острота его осталась незамѣченной. Актеры спѣшили на сцену.

Со сцены долеталъ громкій шопотъ суфлера и монотонные, быстро-повторяемые за нимъ, реплики актеровъ. Они репетировали про себя. Иногда въ курилку вбѣгалъ освободившійся на минуту артистъ, и выкуривъ наскоро папироску, убѣгалъ обратно.

Время тянется однообразно и скучно. Всѣ эти люди, встрѣчаясь ежедневно утромъ и вечеромъ, проводя почти половину своей жизни вмѣстѣ, достаточно надоѣли другъ другу.

Нервные и впечатлительные, имѣя одну только общую связь и одни только интересы въ жизни—театръ, они въ одно и то же время ненавидѣли и любили свое общество.

И хотя каждый изъ нихъ зналъ, что его за глаза ругаютъ, потому что они другъ другу взаимно надоѣли, но это нисколько не отдаляло его отъ среды, внѣ которой, казалось, не было воздуха.

Въ курилку вошла молодая, очень красивая женщина, со вкусомъ и изящно одѣтая. Это была артистка уже съ именемъ и занимающая первое положеніе въ труппѣ.

— Здравствуйте, господа! произнесла она звучнымъ, музыкальнымъ голосомъ.—Что, еще не начинался третій актъ?

— Ольга Владиміровна! Пожалуйста, вотъ мѣсто! вскочилъ Любавинъ, замѣтя, что та выбираетъ гдѣ бы ей сѣсть.

Онъ ухаживалъ за ней, стараясь быть особенно предупредительнымъ.

— Благодарю васъ! Зачѣмъ я васъ потревожу, тутъ много мѣста.

И она сѣла возлѣ высокой, худой актрисы, бѣдно и плохо одѣтой.

— А у насъ прибавленіе въ труппѣ, сказалъ обращаясь къ новопришедшей: комикъ, маленькій, толстенный человѣкъ.—Младенецъ новорожденный! Не хотите ли въ крестныя, Ольга Владиміровна?

— Что такое? недоумѣвала та.

— Прибылъ въ семействѣ! Право, я не шучу.

Многіе улыбались.

— Опять взялась за мальчика! вступилась толстая актриса.

— Да въ чемъ же дѣло? удивлялась Ольга Владиміровна.

— Вотъ Ѳеодоръ Михайловичъ пригласилъ его, и толстая артистка указала на Перунова,—на выходныя роли. Ну, а Александръ Ивановичъ посмѣялся надъ нимъ, а эти продолжаютъ.

Ольга Владиміровна глядѣла на Перунова, и ей стало жаль этого худого, замореннаго мальчика, сконфуженнаго и растерявшагося. Ей захотѣлось обласкать его и она сказала.

— Вы не обращайтесь на нихъ вниманія. Они вѣдь такъ, отъ нечего дѣлать. И Александръ Ивановичъ тоже, онъ ради краснаго словца...

— Да, словцо было дѣйствительно красное! замѣтилъ комикъ.

Любавинъ и Красавинъ хохотали, Ольга Владиміровна поморщилась.

— Какъ ваша фамилія? обратилась она снова къ Перунову.

Тотъ еще болѣе смутился. Онъ никогда въ жизни не говорилъ съ такой блестящей и красивой дамой. Его выручила толстая артистка.

— Онъ выбралъ себѣ фамилію Перуновъ, ну а Александръ Ивановичъ посмѣялся, сказала она.

— Что же тутъ смѣшнаго? Фамилія очень звучная и красивая. И что вы травите мальчика? Вѣдь онъ совсѣмъ еще... И она остановилась, подбирая сравненіе.

— Цыпленокъ! вставила толстая актриса.

— Именно—цыпленокъ. Вы не обижайтесь на меня, ласково замѣтилъ она Перунову,— вы именно такой худенькій, маленькій, какъ цыпленокъ...

Въ это время окончился актъ и артисты вошли въ курилку, здороваясь съ Ольгой Владиміровной.

Мужчины цѣловали у нея руку, а премьеръ, увидавъ ее, подошелъ къ ней съ веселой улыбкой, и сталъ разговаривать. Вскорѣ они вдвоемъ вышли изъ комнаты и разгуливая вдоль задней кулисы, о чемъ-то съ жаромъ говорили.

Въ курилкѣ пересмѣивались, дѣлая замѣчанія. Все пошло обычнымъ порядкомъ. На Перунова уже не обращали никакого вниманія.

Репетиція окончилась и артисты проголодавшіеся наперерывъ спѣшили по домамъ.

Перуновъ не зналъ, что ему дѣлать. Онъ стоялъ у подъѣзда театра въ недоумѣніи. Петръ Осиповичъ вчера уѣхалъ и сказалъ, что теперь онъ долженъ пріискать себѣ квартиру, такъ какъ получаетъ опредѣленное жалованіе и сталъ самостоятельнымъ человѣкомъ. На прощаніе онъ далъ Перунову десять рублей „на обзаведеніе“. У Перунова еще никогда не было такой суммы денегъ, и онъ даже не зналъ какъ съ ней поступить. Каждый разъ онъ ощупывалъ свой карманъ, желая узнать, въ цѣлости ли монета.

На душѣ у него было смутно и пусто. Тупая и щемящая боль сверлила ему сердце. Только образъ Ольги Владиміровны, стоявшій предъ глазами, возбуждалъ въ немъ какое-то свѣтлое чувство благодарности и благоговѣнія. Онъ рѣшилъ, что еще разъ ее увидитъ, прежде, чѣмъ уйдетъ и терпѣливо сталъ считать минуты. Вотъ она вышла изъ театра, сѣла на извозчика и уѣхала вмѣстѣ съ премьеромъ, обнявшимъ ее за талію.

Перунову стало обидно. Рядомъ съ ней, нѣжной и доброй, грубый и циничный премьеръ казался ему оскорбленіемъ святыни.

На подъѣздѣ показались Любавинъ и Красавинъ. Костеркинъ плелся сзади.

— А трагикъ! Что это ты театръ караулишь? воскликнулъ Любавинъ переходя на ты и въ покровительственный тонъ.

— Я не знаю куда мнѣ идти... смущенно отвѣтилъ Перуновъ.

— Какъ куда?... Домой, конечно.

— У меня нѣтъ дома.

— То есть какъ нѣтъ?

— Да такъ. Петръ Осиповичъ уѣхалъ и сказалъ, чтобы я подыскалъ себѣ комнату.

— Да, это скверно, отвѣтилъ Любавинъ. — Надо дѣйствительно поискать. Да вотъ что? Деньги есть у тебя? Такъ иди къ намъ.

По дорогѣ была куплена бутылка водки. Прислуга принесла обѣдъ и компанія принялась за ѣду. Опытившій послѣ двухъ рюмокъ Перуновъ рассказывалъ захлебывающимся голосомъ о своей жизни, о любви къ театру. Любавинъ подливалъ ему водки и заставляя пить, приговаривалъ:

— Эхъ ты цыпленокъ!

И когда уставшій за день и почти пьяный цыпленокъ всталъ, еле передвигая ногами, они уложили его въ углу, подложивъ подъ голову его короткое старое пальто.

Павель Ловинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Театральная афиша.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Престарѣлый Верди работаетъ теперь, по сообщенію нѣмецкихъ и англійскихъ газетъ, надъ своими мемуарами. Здѣсь онъ касается многихъ спорныхъ музыкальных вопросовъ современности, своего отношенія къ Рихарду Вагнеру и критикуетъ искусство ново-итальянцевъ. Конечно, мемуары знаменитаго композитора общающъ много интереснаго. По поводу нихъ Верди пришлось разъ высказаться своимъ миланскимъ друзьямъ: «Не думайте, что меня привели къ нимъ самолюбіе и гордость. Мотивы, побудившіе меня высказаться о своей личности и своемъ творествѣ, — такого рода, что ихъ всѣ должны одобрить. Увѣряю васъ, что многое изъ написаннаго обо мнѣ нуждается въ поправкѣ. Я менѣе останавливаюсь на своей молодости, чѣмъ на своихъ зрѣлыхъ годахъ. Когда я былъ еще молодъ, и въ самомъ творествѣ повиновался еще итальянскимъ традиціямъ, тогда не было ни недоразумѣній,

ни борьбы, ни войны на смерть; были такіе же успѣхи и неуспѣхи какъ и у всѣхъ другихъ, — хотя, пожалуй, еще въ большей степени. Но совершилась перемѣна. Я во многомъ уже оставилъ старые традиціонные пути и формы и сталъ порываться къ идеаламъ искусства, диктуемымъ Германіей: — изъ противника Вагнера я сталъ его послѣдователемъ. И это мнѣ не могли простить. Теперь я имѣю враговъ и спереди, и сзади. Здѣсь, по крайней мѣрѣ съ извѣстной стороны, мнѣ никогда не простили, что я бѣжалъ отъ прежняго знамени — тамъ всегда находились лица, смотрѣвшія на меня лишь какъ на перебѣжчика въ чужой лагерь, тамъ мнѣ ставили на видъ — и этотъ упрекъ былъ мнѣ самымъ тяжкимъ, — что я сталъ реформаторомъ лишь во внѣшнихъ формахъ. Но, конечно, дѣло обстояло нѣсколько иначе, чѣмъ думаютъ эти умные люди. Ибо я полагаю — и мои мемуары непремѣнно это докажутъ — что результаты истинной, глубокой, внутренней работы зрѣлаго возраста не имѣютъ ничего общаго съ внѣшними задачами искусства. Если мои воспоминанія, которыя выйдутъ въ свѣтъ лишь послѣ моей смерти, порадуютъ друга и примирятъ врага, то ихъ цѣль будетъ достигнута».

Эдуардъ Галль въ Лондонѣ вотъ уже 50 лѣтъ состоитъ директоромъ билетной конторы театра Ковенъ-Гардена. Онъ поступилъ на эту должность въ 1849 г., когда въ означенный театръ были приглашены: Виардо-Гарсія, Дорюсъ-Грасъ, Гризи, Персиани и гг. Маріо, Тамбурины, Ранкони и Симсъ-Ревесъ. Этотъ составъ долженъ былъ конкурировать съ приглашеннымъ въ сосѣдній театръ, который назывался «Her Majesty's» (ея величества) и куда были приглашены: Женни Линдъ, Албани и Зонтагъ. Въ этотъ годъ, какъ новинка давалась опера «Пророкъ» и имѣла громадный успѣхъ.

Теперь г-жа Патти, г-жа Грей и Альфредъ Ротшильдъ устроили подлиску и поднесли юбилейный подарокъ полувѣковому свидѣтельству артистическихъ событій, который еще не собирается покидать свой постъ.

Оба театра были жертвою пламени, но «Ковенъ-Гарденъ» былъ отстроенъ вновь.

Въ Парижѣ существуетъ клубъ артистовъ («Cercle de l'Union Artistique»), гдѣ даютъ, время отъ времени, разъ шесть семь въ годъ представленія, очень оригинальныя и своеобразныя. Послѣдній спектакль былъ особенно интересенъ. Поставлено было «Ободрѣніе вѣка». При поднятіи занавѣсы, девятнадцатый вѣкъ, которому приходится помирять, желаетъ вновь начать жизнь, для чего запродаетъ душу дьяволу, разумѣется, въ образѣ женщины. Вслѣдъ за совершеніемъ сдѣлки, зрители переносятся къ началу вѣка, въ эпоху консульства: Жозефина поетъ на мотивъ Периколы письмо Бонапарта. Черезъ 20 лѣтъ эпоха Реставраціи. Вѣкъ смотритъ на часы и замѣчаетъ: «однако, мнѣ кажется Франція давно уже не мѣняла формы правленія». И за этимъ слѣдуетъ революція 1830 г., изображенная въ комической формѣ. Вотъ мастерская Верне. Вотъ Тамбурина, Рашель, Эльслеръ, Мюссе, Жоржъ-Зандъ и пр.

Въ этихъ спектакляхъ принимаютъ участіе лучшія артистки Парижа. Мужскія роли исполняютъ члены клуба. Сборъ — excusez du peu! — 40,000 фран. Впрочемъ, къ услугамъ публики открытъ буфетъ.

Сара Бернаръ отказалась отъ антрепризы. Договоръ ея приобрѣтенъ братьями Мильо, составляющими акціонерную компанію съ капиталомъ въ 300,000 фр. Администрація новаго театра Théâtre lyrique de la Renaissance составляютъ: журналистъ Жозефъ Монтанъ и братья Адольфъ и Жоржъ Мильо.

Въ Театрѣ Шателе начались репетиціи новой пьесы Декурселя «Робинзонъ Крузо». Вопреки заглавію пьесы не имѣетъ ничего общаго съ извѣстнымъ романомъ и представляетъ мелодраму во вкусѣ «Двухъ подростковъ». Газеты предсказываютъ пьесѣ успѣхъ.

Театральная провинція.

Отголоски лѣтняго сезона. Въ № 30 нашего журнала была помѣщена корреспонденція изъ Брянска, въ которой рассказывалось, что Брянскъ сдѣлался „ареной состязанія“ двухъ мѣстныхъ трактирщиковъ—гг. Алексѣева и Семенова, которые набрали двѣ драматическихъ труппы и открыли спектакли въ двухъ разныхъ садахъ. Труппа г. Алексѣева была подобрана дѣланье и играла въ центрѣ города, почему спектакли посѣщались охотно. Труппа же г. Семенова была гораздо слабѣе и успѣха не имѣла. Сборы съ каждымъ днемъ падали и г. Семеновъ, наконецъ, рѣшилъ прекратить выдачу жалованья артистамъ. Тогда лучшія силы труппы выбыли, остальные же владели жалкое существованіе, пока, наконецъ, г. Семеновъ не прекратилъ спектаклей совершенно. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ „Орл. Вѣстн.“:

«Оставшіеся въ труппѣ г. Семенова актеры, ранѣе получавшіе хотя и съ трудомъ свое жалованье, въ послѣдній мѣсяцъ никакъ его получить не могли. И плохо имъ приходилось: жили они всѣ около Рощина сада и столовались тамъ же въ счетъ жалованья, но буфетъ закрылся и бѣдняги не имѣя денегъ въ карманѣ, должны были голодать и только въ тѣ дни, когда были свободны отъ репетицій, могли ходить за три версты, утолять голодъ. Въ воскресенье, 18 июля, въ Привокзальной слободѣ былъ назначенъ спектакль, сборъ былъ хорошій. Артисты заявили, что играть не будутъ, если Семеновъ не отдастъ имъ часть сбора въ счетъ жалованья. Только „послѣ увѣщаній и просьбъ“, согласились начать спектакль, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы деньги тутъ же были сочтаны и вручены полностью: городскому для доставленія въ участокъ, откуда артисты думали ихъ получить. Однако на слѣдующій день въ канцеляріи пристава никакого дѣла не производилось и деньги были возвращены г. Семенову, артисты такъ-таки ничего и не получили.

Случай не первый и, разумѣется, далеко не послѣдній. Но въ этой исторіи характерно вотъ что:

- 1) Обѣ антрепризы разрѣшены *трактирщикамъ*, ничего общаго съ театромъ никогда не имѣвшимъ,
- 2) Артисты обѣихъ антрепризъ не обезпечены залогомъ, безъ котораго антрепризы по закону разрѣшены быть не могутъ.

Допускаемъ, что трактирщики-аферисты въ небольшомъ уѣздномъ городѣ—„сила могучая“, но изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что ради ихъ можно игнорировать законъ.

Мѣстныя власти, впрочемъ, проявили свою дѣятельность, но лишь тогда, когда обозначился крахъ у г. Семенова.

Тогда полицейское правленіе потребовало отъ г. Алексѣева залога въ обезпеченіе артистовъ. Такъ какъ г. Алексѣевъ не имѣлъ возможности внести таковой, то онъ и предложилъ артистамъ дать росписку полицейскому правленію, что никто изъ нихъ претензій на невнесеніе г. Алексѣевымъ залога не имѣетъ.

Исторія однако умалчиваетъ о томъ, какъ г. Алексѣевъ добился этой подписи артистовъ, да и—наконецъ, могутъ ли подобныя, хотя бы и коллективныя, заявленія артистовъ освободить антрепренера отъ залога?

Одинъ изъ артистовъ труппы Алексѣева г. В. Озеровъ обратился съ письмомъ въ Русское Театральное Общество, въ которомъ подробно изложилъ все вышесказанное. Думаемъ, что Театральное Общество обратитъ вниманіе на эту старую, но вѣчно новую исторію.

Съ артистами г. Семенова случилось вообще не мало казусовъ. Наибольше предпримчивые изъ нихъ кое-какъ сумѣли выбраться изъ безвыходнаго положенія, прибѣгая иногда, впрочемъ, къ очень рискованнымъ штукамъ. Такъ, напр., служившій прежде у Семенова, г. Волынский

«направился въ г. Рославль, гдѣ расклеилъ громаднаго размѣра афишу, на которой значилось, что г. Дмитриевъ-Волынский пріѣхалъ въ Рославль лишь на два спектакля со „своею труппою“. Поставлено будетъ: „Коварство и любовь“, „Жидовка“, „Царь Борисъ“ и „Дорогой поцѣлуй“, т. е. всего десять дѣйствій. Рославльская публика, не зная въ чемъ дѣло, обрадовалась пріѣхавшей труппѣ и въ первый вечеръ принесла г. Волынскому 250 рублей. На дѣлѣ оказалось слѣдующее: вся труппа г. Волынскаго состояла изъ него самого, г-жи Самариной и г. Капитанова, молоденькаго актера, служившаго въ обѣихъ брянскихъ труппахъ на выходныхъ роляхъ или даже вѣрнѣе на роляхъ статиста. Вотъ въ составѣ этихъ 3-хъ лицъ г. Волынский и поставилъ означенныя выше пьесы, дополнивъ всѣ остальные роли солдатами, которыхъ нарядилъ въ свои костюмы».

Впрочемъ, „голодъ—не тетка“ и г. Волынский заслуживаетъ больше сожалѣнія, чѣмъ порицанія. А вотъ рославльскіе меломаны—народъ, повидимому, наивный.

Публика уже привыкла къ тому, что нѣкоторые антрепренеры при плохихъ дѣлахъ бросаютъ актеровъ на произволъ судьбы и сами скрываются. Но сколько помнится—до сихъ поръ еще не было случая, чтобы цѣлая труппа среди сезона бѣжала отъ антрепренера и скрывалась неизвестно куда. Однако выпѣшнымъ лѣтомъ случилась и такая исторія. Вотъ что мы находимъ въ газетѣ „Волынъ“.

«Подвизавшаяся въ Житомирѣ на подмосткахъ лѣтняго театра г. Чепы опереточная труппа „неожиданно“ скрылась, *предварительно забравъ у г. Чепы 300 руб.* Публика, собравшаяся въ театрѣ, чтобы послушать оперетты, выслушала изъ устъ г. Чепы печальную повѣсть о людской неблагодарности и актерской ловкости».

Вѣроятно, имѣется и обратная сторона медали. Не разяснить ли кто-нибудь истину?

Особый видъ кражи.

Въ Симбирскѣ имѣется театръ г-жи Булычевой, управляющаго которой теперь обвиняютъ судебнымъ порядкомъ въ расхищеніи городской... воды. Одинъ изъ служащихъ при театрѣ на-дняхъ донесъ городской управѣ, что г. Юрьевъ (фамилія управляющаго) добываетъ воду для театра... контрабанднымъ путемъ. Управа, собравъ попутныхъ, накрыла г. Юрьева на мѣстѣ преступленія, т. е. какъ разъ въ то время, когда черезъ особые краны и особую водопроводную трубу, рабочіе г. Юрьева накачивали воду.

„Для тайнаго добыванія воды,—пишетъ „Каз. Тел.“, существуетъ хитроумное инженерное „сооруженіе“, по послѣднему слову инженерной науки: подъ зданіемъ театра искусно созданы и проведенъ подземный ходъ къ водопроводной трубѣ, подъ которою сдѣланъ замысловатый подкопъ; къ городской водопроводной трубѣ, немного ниже городского водомѣра, приспособлена особая водопроводная труба, носящая наименованіе Булычевой; вотъ черезъ эту-то „Булычскую“ трубу краны и снабжаютъ водою изъ городской водопроводной трубы, театр и паровую машину, поставленную прошлою осенью инженеръ-технологомъ Юрьевымъ въ освѣщеніи театра электричествомъ».

В. Л.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

КАЗАНЬ. Казанскій зимній сезонъ на этотъ разъ открылся необычайно торжественно—да это и понятно. Открывшимся сезономъ казанскій оперный театръ вступаетъ во вторую четверть вѣка своего существованія. Правда, со времени первой постановки на казанской сценѣ оперы „Жизнь за Царя“, что совершилось въ 1874 году (26 августа), только въ теченіи 17-ти сезоновъ Казань слушала оперу (причемъ въ теченіи двухъ изъ нихъ, одновременно была и опера, и драма), а въ остальные 8 сезоновъ была въ Казани драма и оперетка (5 сезоновъ) или одна драма (3 сезона). Одновременно съ этимъ въ Казани возникаетъ рядъ другихъ музыкальных учреждений. Такъ, напр., открылась специально-музыкальная торговля „Восточная Лира“, далѣе,—черезъ годъ А. А. Орловъ-Соколовскій положилъ начало музыкальной школѣ и казанскому отдѣленію Императорскаго русскаго музыкальнаго общества.

Но возвращаемся къ открывшемуся сезону. Театръ нашъ 5 сентября текущаго года былъ „полнымъ-полонъ“. Передъ началомъ оперы „Жизнь за Царя“, со сцены, былъ прочитанъ очеркъ—„Четверть вѣка назадъ“—историческій обзоръ опернаго дѣла въ Казани, за 1874—1899 гг.; далѣе передъ бѣстомъ М. И. Глинки, всѣмъ составомъ артистовъ, хоромъ, опернымъ и военнымъ оркестрами была исполнена „Слава“, на мотивъ изъ оперы „Русланъ и Людмила“. Самая опера „Жизнь за Царя“, постановкой которой собственно и закончилось это торжество, была обставлена не обычно: даже наибольшія партіи пѣли „первыя сюжеты“. Начальника польскаго отряда пѣлъ первый басъ Акимовъ, польскаго гонца—первый баритонъ Кругловъ, запѣвалу—первый теноръ Агульничъ, а воиновъ-корифеевъ—первый баритонъ Полуяновъ, режиссеръ оперы Гельротъ и пѣвцы Акимовъ и Гавриловъ.

Главныя партіи въ этомъ спектаклѣ пѣли: Сусанина—новый для Казани пѣвецъ Островидовъ-Тассинъ, Антонида—г-жа Левандовская, Сабинина—г. Агнивцевъ; Ваню—г-жа Томская.

Г. Островидовъ-Тассинъ—воспитывался въ школѣ московскаго филармоническаго общества, по классу профессора Бжеича; окончилъ курсъ въ 1891 г.

Въ партіи Сусанина г. Островидовъ-Тассинъ имѣлъ, хотя

не шумный, но все же солидный успѣхъ. Артистъ, видимо сильно волновался при выходѣ на сцену — въ первыхъ актахъ, и, какъ говорится, «не давалъ полного голоса», не приспособился къ нашему театру. Но всю арію четвертаго акта, въ лѣсу, онъ пропѣлъ превосходно и долженъ былъ ее биссировать. Трудно, разумеется, по первому спектаклю, судить артиста пѣвца и высказать окончательное мнѣніе, но, повидимому, въ лицѣ Островидова-Тассина мы имѣемъ цѣнное пріобрѣтеніе. Голосъ его, — повидимому, не такой силы и звучности, какъ напр. у г. Шалипина, или у нашихъ прошлогоднихъ любимцевъ гг. Тарасова и Санжурскаго, но звукъ очень красивъ, фразировка онъ отчетливо, играетъ просто, безъ аффектаций, жизненно и правдиво.

Выступившая въ партіи Вани артистка-пѣвица А. М. Томская впервые пѣла въ Казани въ оперномъ товариществѣ Н. В. Унковскаго, въ 1894 году. Кажется, въ теченіи двухъ послѣднихъ сезоновъ 1897—98 и 1898—99 гг. она пѣла въ Перми.

Партію Вани, въ спектаклѣ 5 сентября, г-жа Томская исполнила превосходно. Ея симпатичный голосъ такъ и вкрадывался въ душу, а образъ юнаго героя-мальчика мы едва ли когда либо видѣли въ такомъ олицетвореніи. Г-жа Томская дала именно образъ «инженчика», которому еще надо «подрости» и какой много обѣщающій птенчикъ былъ передъ нами!..

На другой день г-жа Томская выступила въ партіи няни, въ «Евгеніи Онѣгинѣ» и снова дала яркій образъ.

Г-жа Левандовская имѣла солидный успѣхъ въ партіи Антонины и показала, что эту партію, съ успѣхомъ, можетъ пѣть драматическое сопрано.

Г. Агивцевъ — не былъ ровнею въ партіи Сабинина. Быть можетъ, не полная свобода пѣнія имъ партіи, особенно на высокихъ нотахъ, объясняется тѣмъ, что первый его преподаватель готовилъ его на партіи баритона.

Переходя къ отчету о второмъ спектаклѣ «Евгеніи Онѣгинѣ», мы, прежде всего, — привѣтствуемъ дарованіе г-жи Поляковой, выступившей въ партіи Татьяны. При выходѣ на сцену, въ ней замѣчалась робость, но затѣмъ она оправилась и пѣла прекрасно. Г-жа Ковелькова была не дурна въ партіи Ольги. Большой успѣхъ имѣла напѣвъ любимцевъ — баритонъ И. С. Петровъ (Онѣгинъ) и недурно пропѣли свои небольшие партіи гг. Парамоновъ (Греминъ) и Эрнестъ (Трике). Г. Агульничъ музыкально исполнилъ партію Ленскаго.

Оркестръ, подъ управленіемъ Палицына, игралъ превосходно. Видно, что и военный оркестръ имѣетъ хорошаго руководителя въ лицѣ своего постоянного капельмейстера (Бромковъ).

Казанецъ.

НИЖНИЙ НОВГОРОДЪ. Вторая половина ярмарочнаго сезона оказалась для оперы гг. Любина и Салтыкова менѣе благоприятной, чѣмъ первая. Дирекція, правда, энергично старалась поддерживать интересъ публики къ опернымъ спектаклямъ, для чего пригласила на гастроль: г-жу Ольгину, гг. Давыдова, Амирджана и Герасименко, но всѣ они не въ состояніи были замѣнить двухъ гастролеровъ первой половины сезона г. Яковлева и г-жу Эйгенъ, участіе которыхъ въ спектаклѣ неизмѣнно обезпечивало сборъ. Г. Яковлевъ сдѣлался необходимымъ для успѣха дѣла и пѣлъ съ неусомненною черноработчаго каждый вечеръ. Въ послѣдній разъ артистъ выступалъ исполнителемъ заглавной партіи въ оперѣ «Гамлетъ» и обнаружилъ въ ней помимо красоты и силы звука, еще недюжинное драматическое дарованіе, однако мы не встрѣтили въ г. Яковлевѣ мрачной фигуры Датскаго принца въ траурѣ, удрученнаго болѣзненнымъ умированіемъ. Да и можно ли въ вокальномъ исполненіи передать всю сложную душевную жизнь Гамлета, его скорбный бичующій тонъ, остроуміе и глубину философскаго духа? Прекрасно имъ была проведена сцена изобличенія матери. Здѣсь рѣчь артиста звучала отчаяніемъ, отражая безвозвратную потерю прежней вѣры въ людей и собственнаго свѣтлаго настроенія. Съ отъѣздомъ г. Яковлева совпало прекращеніе участія г-жи Эйгенъ. Артистка серьезно заболѣла и поправилась только по окончаніи сезона. Остальная труппа, лишившись главней, продолжала усердно работать, но съ посредственнымъ успѣхомъ. Да и странно было бы думать, что публика станетъ съ одинаковымъ интересомъ слушать въ партіяхъ Онѣгина и Демона вмѣсто Яковлева г. Герасименко, а въ партіяхъ Татьяны и Гориславы, вмѣсто г-жи Эйгенъ, г-жу Астафьеву. Дирекція однако не приняла въ соображеніе это обстоятельство и продолжала угощать слушателей Демонномъ, Онѣгинымъ и Русланомъ, причемъ громадными буквами рекламировала на афишахъ имена какъ гастролеровъ, такъ и рядовыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, что не прибавило въ кассу ни одного рубля. При всемъ томъ опера закончилась и въ нынѣшнемъ сезонѣ безъ убытковъ и антрепренеры ея намѣрены снять ярмарочный театръ и на будущій сезонъ. Отсюда слѣдуетъ, что удачно составленная оперная труппа у насъ не нуждается въ рекламированіи и могла бы, думается, подвизаться съ успѣхомъ и зимою. Изъ прочихъ исполнителей выдѣлялись г. Давыдовъ и г-жа Боброва. Г. Давыдовъ не обладаетъ богатствомъ голосовыхъ средствъ, но за то не лишенъ артистическаго да-

рованія и чуткой художественной души. Прекрасное впечатлѣніе онъ произвелъ исполненіемъ партіи Германа («Пиковая дама») и Донъ-Хозе («Карменъ»); менѣе удачно онъ провелъ партію Отелло. Въ общемъ, г. Давыдовъ хорошее пріобрѣтеніе для провинціальной оперной сцены.

12-го сентября открывается въ городскомъ театрѣ сезонъ драмы. Пойдетъ «Горе отъ ума». Составъ труппы г. Корсинова Андреева очень большой. Во главѣ труппы стоитъ А. Я. Азогарова, затѣмъ: М. Н. Терехова (*ingénue dramatique*), Л. А. Лидина (*ingénue comique*), Ю. В. Глинская (*grande coquette* и драматическія роли), Суревичъ (*grande dame* и драматическая старуха), Миккульская (1-я комическая старуха), Ланина (водевильная съ пѣніемъ), Темирова (2-я *grande coquette*), Марченко (2-я *ingénue*), Донская (2-я комическая старуха и характерныя роли), Лобанова (молодая роли), Орловская (бытовые роли), Любова, Николаева, Смолина, Мещерская Акоттова — на вторыя и третьи роли. Мужской персональ: Е. А. Петровъ-Кравскій (1-й драматическій любовникъ и герой), Х. І. Петросьянъ (драматическій резонеръ и герой), С. Н. Нерадовскій (любовникъ), Д. А. Орловъ-Симапко (комикъ-резонеръ), Д. Ф. Смирновъ (фратъ-резонеръ), М. И. Газудовъ (1-й комикъ), Бѣляевъ (*jeune comique* и водевильный съ пѣніемъ), Громовъ (бытовой любовникъ), Зведенскій (2-й комикъ и комикъ-буффъ), Савельевъ (бытовой простакъ), Сверчковъ (комикъ-резонеръ), Вечесловъ (характерныя роли), Ростовцевъ (2-й простакъ), Кабановъ, Гуцдобинъ, Мартыновъ и Соловьевъ — на вторыя и третьи роли.

ТИФЛИСЪ. За послѣднія двѣ недѣли никакихъ интересныхъ событій у насъ не случилось, если не считать нѣсколько концертовъ г. Кара-Мурзы. Г. Кара-Мурза — это нашъ восточный Агреневъ-Славянский. Нѣсколько лѣтъ подъ рѣлю онъ усердно собираетъ, записываетъ и разрабатываетъ красивыя армянскія мелодіи. У него какъ и у Славянскаго, свой недурно составленный хоръ, съ которымъ онъ и развѣзжастъ по городамъ и всѣмъ Арменіи. Концерты Кара-Мурзы, изъ которыхъ одинъ состоялся въ казенномъ театрѣ, а другіе въ лѣтнемъ саду, бывш. «Эрмитажъ», привлекли не мало публики по преимуществу туземной.

Народные спектакли, какъ я уже писалъ, открылись 30 августа комедіей Мольера «Жоржъ Данденъ». 5 сентября шла излюбленная народомъ «Кенитъба». 8-го было грузинскій спектакль, давали старинную комедію Антонова «Хочу быть княгиней». На всѣхъ трехъ спектакляхъ аудиторія по обыкновенію была переполнена. Еще наканунѣ каждаго спектакля, надъ кассой красовался ашлагъ: «билеты всѣ проданы», а передъ началомъ спектаклей у дверей шла бойкая перепродажа билетовъ по 10, 15 и 20 к. — зло, которое можетъ быть устранено или расширеніемъ настоящаго помѣщенія, или постройкой новаго.

Объявленъ составъ и репертуаръ оперы на зимній сезонъ, въ казенномъ театрѣ. Антреприза И. Р. Фарина. Многіе пѣвцы и пѣвицы наши старые знакомые; такъ, будутъ пѣть г-жи Папаянъ, Кравецъ, Никитская, Петрова, гг. Борисенко, Максакія, Горлиновъ, Трубинъ. Изъ остальныхъ двѣ — три итальянскія фамиліи: г-жа Джуліани, гг. Лонгобарди, Броджи, которая наводитъ на предположеніе, что намъ суждено опять насладиться смѣшеніемъ языковъ. Дирижеры прошлагодніе — гг. Барбини и Пагани.

Репертуаръ обѣщанъ обширный: 39 оперъ, изъ нихъ 15 русскихъ; тутъ и излюбленный нашей публикой «Евгеній Онѣгинъ», и «Пиковая дама», и Глинка во всей своей полнотѣ, и «Князь Игорь», и «Донъ-Жуанъ», и Верди, и Пуччини, и «Савская царица», и «Гензель и Гретель», и пикантная «Карменъ», и «Мефистофель», и Сѣровъ и Направникъ, и Моцартъ, и Рубинштейнъ, и Римскій-Корсаковъ, и Мейерберъ, и Гуно, и Россини, и даже Вагнеръ, въ заключеніе же неизмѣнные Леонкавалло и Масканини.

Изъ новыхъ оперъ предположены къ постановкѣ три: «Садко», «Фоланта» и «Гуарани» Гимеса.

Открытие сезона предположено нѣсколько ранѣе, чѣмъ сообщалъ я, а именно 19 сентября.

Кстати, я хотѣлъ обратить вниманіе на одну особенность Тифлискаго казеннаго театра, особенность, которая, кажется, не присуща ни одному провинціальному театру. Я говорю объ изобилии администраціи всякаго рода. Всякимъ начальникамъ, помощникамъ, исправляющимъ обязанности «нѣсть числа».

Благодаря этому обилію администраціи въ первый годъ по открытію новаго казеннаго театра, дирекція сама повела дѣло (безъ антрепризы) такъ умѣло, что окончилъ сезонъ дефицитомъ, въ нѣсколько десятковъ тысячъ. И съ тѣхъ поръ умыла руки и передала театръ антрепризѣ. И вы, конечно, полагаете, что антрепренеръ получаетъ хоть часть казенной субсидіи! Ничуть не бывало. Субсидія вся цѣлкомъ уходитъ на погашеніе дефицита, да на содержаніе администраціи; антрепренеръ же еще уплачиваетъ отъ спектакля 150 р., которые и тратятся спеціально на постановку оперъ, куда входятъ и афиши, и освѣщеніе, и отопленіе, и статисты, и новыя декорации и костюмы.

Ну, конечно, при такомъ положеніи дѣла, оперы обста-

ляются кое-какъ. При постановкѣ новыхъ оперъ стараются обойтись «домашними средствами», перешивая костюмы и перекрашивая декорации.

Пенснэ.

РИГА. Прошлый годъ у насъ были большіе нелады въ русскомъ театрѣ. Теперь началось какое-то вавилонское столпотвореніе въ нѣмецкомъ театрѣ. Какъ мнѣ уже приходилось писать раньше, въ нашемъ городскомъ (нѣмецкомъ) театрѣ по условію, заключаемому такъ назыв. «горонтами» и театальной дирекціей съ городомъ, должны въ продолженіи сезона подвизаться три труппы: оперная, опереточная и драматическая. Главныя силы, конечно, всецѣло отдаются извѣстному роду сценическаго искусства: второстепенные же артисты, выступая въ драмѣ, не должны отказываться и отъ доступныхъ ихъ средствъ партій въ комическихъ операхъ, а иногда брать третъстепенныя роли и въ операхъ. Наша публика, воспитанная на Вагнерѣ и вообще серьезныхъ музыкальных произведеніяхъ, зорко и ревниво слѣдитъ за дѣйствіями театальной дирекціи, касающейся постановки оперъ и приглашеніи соответствующихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Оперой сезона 1897—98 гг. рижане были довольны. Женскій персоналъ за немногими исключеніями, былъ превосходенъ. Мужской — тоже отличался средними достоинствами. Прошлый сезонъ далъ уже себя сильно чувствовать «безталаніемъ» и слабостью женскаго персонала. Нынѣшній сезонъ оказался еще болѣе неудачнымъ въ отношеніи подбора оперныхъ силъ. Теноръ оказался совершенно безголовымъ и продержался на сценѣ не болѣе двухъ недѣль. Замѣнившій его «великокняжескій баденскій камерный пѣвецъ» г. Альфредъ Оберлендеръ (какъ его величаютъ въ афишахъ) по единодушному признанію тоже не важное приобретеніе. Записные поклонники музыки, возмущаясь халатностью нынѣшней дирекціи, тѣмъ не менѣе утѣшали себя образцовымъ состояніемъ оркестра, руководимаго молодымъ и талантливымъ дирижеромъ г. Вальтеромъ. Но послѣдній навлекъ на себя чѣмъ-то неудовольствіе директора и началось его выживаніе. До публики дошли неясныя слухи о «странныхъ» дѣйствіяхъ директора г. Трейтнера и холодная, неподвижная рижская публика сдѣлалась неузнаваемой. Каждый спектакль, когда на дирижерскомъ креслѣ появлялся г. Вальтеръ, былъ для него сплошнымъ триумфомъ. Аплодисменты, вѣнки, крики: «здравіе», «оставаться», «долой директора» и т. п. оглашали театр. Вся нѣмецкая пресса переполнилась сочувственными статьями по адресу уходящаго дирижера и нотациями по адресу директора театра. Весь музыкальный міръ Риги вступился за г. Вальтера и масса музыкантовъ-специалистовъ опубликовала въ «Rig. Tag.» свое письмо, представляющее своего рода апіисини. Пѣанисты, скрипачи, директора музыкальных школъ, музыкальные теоретики, композиторы и пр. заявляютъ въ этомъ письмѣ, что «появленіе г. Вальтера въ городскомъ театрѣ — необыкновенное счастье (ungewöhnlicher Glückspall) для рижской оперы» и при этомъ «выражаютъ полное порицаніе директору за то, что онъ не постарался удержать г. Вальтера въ рижскомъ театрѣ».

Настоящая буря въ стаканѣ воды, и русское населеніе Риги нисколько не интересовалось бы этимъ, еслибы у насъ началъ дѣйствовать свой театр. Но онъ пока еще только строится. Дума, ассигновавъ 300 тысячъ на его постройку, распредѣлила выдachu этихъ денегъ на 4 года и пока есть въ распоряженіи лишь 35,000 р. на предварительныя земляныя работы. Русская же драматическая труппа будетъ съ начала октября играть въ «Ульѣ». Новый режиссеръ г. Мотковскій намѣренъ болѣе или менѣе уюродочить дѣло нашего театра и составилъ труппу изъ молодыхъ, пока еще ничѣмъ себя не заявившихъ артистическихъ силъ. Предположено назначить опредѣленные дни недѣли для пьесъ классическихъ, легкихъ комедій и пьесъ обшановочно-трескучихъ. Впрочемъ, послѣдній, въ виду недостатка средствъ, будутъ ставиться лишь въ крайнихъ случаяхъ.

II. В.

КИСЛОВОДСКЪ. Нашъ оперный сезонъ заканчивается рядомъ недоразумѣній. Комическій инцидентъ произошелъ съ бенефисомъ извѣстной пѣвицы г-жи Альмы Фостремъ. Мужъ ея, г. Роде, возбудилъ неудовольствіе другихъ членовъ труппы, и въ результатѣ слѣдующее происшествіе.

Назначенъ былъ «Севильскій цирюльникъ». Наступаетъ 7½ часовъ, а спектакль не начинается... Проходитъ пять, десять и пятнадцать минутъ, а занавѣсъ остается неподвижнымъ. Публика волнуется: кто-то пустилъ слухъ, что артисты, возмущенные копѣчными разсчетами супруга г-жи Фостремъ, рѣшили, in corpore, не пѣть въ этотъ вечеръ вовсе... Прошло еще нѣсколько мучительныхъ минутъ ожиданія... и вотъ, выходитъ на сцену помощникъ режиссера и заявляетъ, что, «по неожиданнымъ обстоятельствамъ, первый актъ оперы не пойдетъ совсѣмъ»... Послышался смѣхъ, шиканье... Наконецъ поднялся-таки занавѣсъ и опера началась — со 2-го акта... Скандалъ вышелъ, конечно, явный и отразился, прежде всего, на самой бенефицианткѣ: публика не пожелала ее привѣтствовать и не поднесла ей ни подарка, ни даже вѣнка, несмотря на то, что талантливая артистка была восхитительна въ этотъ вечеръ и вынесла весь бенефисъ на своихъ плечахъ.

Но еще хуже вышло съ бенефисомъ г. Собинова. Дол-

женъ былъ идти «Евгеній Онѣгинъ»; г-жа Гладкая, должествовавшая выступить 22-го августа въ роли Татьяны, 20 го числа уѣхала изъ Кисловодска, бенефисъ г. Собинова не состоялся, такъ какъ въ бѣдной, относительно женскихъ голосовъ, оперной труппѣ не оказалось пѣвицы, могущей исполнить партію Татьяны.

А театръ у насъ прекрасный и сдать его дорога на болѣе чѣмъ выгодныхъ условіяхъ, предприимателямъ!

ЕКАТЕРИНОДАРЪ. 20-го іюля у насъ закончилось свои представленія, по случаю плохихъ сборовъ, русско-малорусское товарищество подъ управл. Суходольскаго. Для закрытія поставлена была пьеса съ громкимъ названіемъ «сенсационной новинки» «Убійца, купеческая дочь Осинава» соч. Феллонова. Публика повалила въ театръ валомъ. Публика была въ недоумѣніи: пришла на малороссовъ, а очутилась на русской драмѣ, да еще какой! Малороссы отъ насъ перекочевали въ Ростовъ-на-Дону. У насъ же до августа была русская опера, подъ управл. Г. Я. Шейна. Составъ труппы слѣдующій: женскій персоналъ: г-жи Джубелини-Ряднова (драматическое сопрано), Тиманина (лирическое сопрано), Шау и Михайлова (меццо-сопрано), компримаріи Ангертъ, Каминеръ, Ефимова и др.; мужскій персоналъ: гг. Броджи-Мутини и Робертъ (баритоны), Костаньякъ, Рядновъ и Константиновъ (тенора), Сангурскій, Леонтьевъ и Лоренцъ (басы), компримаріи Шейнъ 1-й и 2-ой, Грагукъ, Семсеновъ, Анштейнъ, Петровъ и др. Капельмейстеръ В. Н. Всеволожскій, режиссеръ Г. И. Муравскій, концертмейстеръ и хормейстеръ А. М. Рутинъ, суфлеръ Гринбергъ. Опера у насъ имѣла успѣхъ, несмотря на слабость и немногочисленность хора, почему массовыя сцены пропадали. Чувствовался недостатокъ декораций. Оркестръ недурной.

Опера отъ насъ направилась въ Екатеринославъ, но по дорогѣ заѣхала въ Ростовъ-на-Дону, гдѣ дала нѣсколько спектаклей при маленькомъ измѣненіи въ составѣ; такъ вмѣсто Джубелини-Рядновой, приглашена была обшанная еще у насъ, но не успѣвшая пріѣхать италянская пѣвица г-жа Тарьянъ. Опера въ Ростовѣ имѣла большой успѣхъ и нашла болѣе серьезныхъ цѣнителей чѣмъ у насъ.

3-го августа слѣдовало открытіе опереточныхъ спектаклей, «обществомъ московскихъ и петербургскихъ артистовъ», подъ управл. Дагмаровой. Для открытія поставлена была оперетка «Марьянъ Рудоконтъ», исполненіе слабое, особенно заглавной роли, которую игралъ баритонъ Боковъ. Костюмы и бутафорія богаты, недурны хоръ и оркестръ.

Составъ труппы слѣдующій: г-жи Троцкая, Славина, Крамская, Делормъ, Вѣрина, Баранова, Уткина, Петрова, Максимова, Тимошенко; гг. Горскій, Гребинскій, Грѣховъ, Боковъ, Каренинъ, Бураковский, Жилинъ, Маркевичъ, Соколовскій, Востоковъ, режиссеръ Бураковский, суфлеръ Арбенкинъ, дирижеръ Палиевъ, главный администраторъ Г. И. Арскій. Балетъ подъ управленіемъ г-жи Джіовасси при участіи прима-балерины Ленчевской.

Изъ новинокъ до 15-го августа шли слѣдующія оперетки: «Гейша», «Розовое домино», «Современный Онѣгинъ», «Модель», и обшаны еще друг. Оперетка дѣлаетъ недурные сборы. Еще нѣсколько словъ о концертахъ Д. Славянскаго съ дочерью и капеллой. Дано было три концерта, первый при полномъ сборѣ и остальные два при сборахъ только приличныхъ.

АСТРАХАНЬ. Въ лѣтнемъ театрѣ сада «Аркадія» съ 30-го іюня по 9 августа играло товарищество оперныхъ артистовъ подъ управленіемъ г. Бородея. Всего было дано 32 спектакля. Изъ обшановочныхъ оперъ шли: «Русланъ и Людмила» и «Снѣгурочка» (по 3 раза). Изъ женскаго персонала наибольшій успѣхъ имѣли: г-жа Галицына — сильное, звучное драматическое сопрано. Поетъ съ большимъ чувствомъ и очень музыкально. Г-жа Будкевичъ — колоратурное сопрано. Голосъ довольно сильный. Съ успѣхомъ спѣла нѣкоторыя партіи. Г-жи Карніолли и Гуревичъ, у первой красивое звучное меццо-сопрано, а у второй контрольно пріятнаго тембра. Еще слѣдуетъ упомянуть г-жу Горину, очень приличную компримарію. Тенора — гг. Ошустовичъ, Агнiewiczъ и Эрнстъ. У Ошустовича не большой по объему голосъ, но пѣвецъ онъ музыкальный. Г. Агнiewiczъ владѣетъ громаднымъ, но рѣзкимъ голосомъ. Поетъ безъ увлеченія. Г. Эрнстъ, небольшой, но красивый лирический теноръ. Поетъ очень музыкально. Баритоны — Петровъ и Полуиновъ. У первого сильный и сочный голосъ, которымъ владѣетъ превосходно. Съ первого же спектакля сталъ любимцемъ публики. У г. Полуинова довольно пріятнаго тембра баритонъ. Артистъ онъ, какъ видно, совсѣмъ еще не опытный. Изъ басовъ выдѣлялся только Бухтояровъ. Компримаріо — гг. Вольскій, Гавриловъ и Ковалевскій очень полезные артисты. Первый изъ нихъ недурный комикъ. Балетъ подъ управленіемъ г. Барбо былъ весьма недуренъ. Хоръ и оркестръ, управляемые нашимъ старымъ знакомымъ, даровитымъ капельмейстеромъ г. Палицынымъ, вели свое дѣло добросовѣстно. Режиссерская часть была въ рукахъ опытнаго и даровитаго режиссера г. Гельрота. Декорации, костюмы и вся обстановка были очень хороши. Сборъ у опернаго товарищества были выше средняго.

А. Дадиневъ.

ТАМБОВЪ. Продолжаются спектакли товарищества К. К. Витарскаго. Съ 6-го іюня состоялись гастролы Ф. П. Горева неудачные по сборамъ. Артистъ выбралъ пьесы: «Старый баринъ», «Порывъ», «Блуждающіе огни», «Въ родственныхъ объятіяхъ», «Расплата», «Гамлетъ» (бенефисъ г-жи Вольской), «Родина». На три спектакля пріѣзжала русская опера (дирекція Любина-Салтыкова) съ участіемъ г. Яковлева, — сборы полные. Шли «Евгеній Онѣгинъ», «Паяцы», «Демонъ». Дѣла нашего товарищества — слабыя. Бенефисы идутъ при незначительныхъ сборахъ. Последнее время стали чаще давать общедоступные спектакли съ серьезнымъ репертуаромъ: 2 раза «Рабочая слободка», «Безприданница», «Родина» (гастролы Ф. П. Горева) и др.

Изъ состава товарищества выбыли г-жа Лаврова (на мѣсто которой приглашена г-жа Любомірская) и г. Владиміровъ.

II. 3.

ТАМБОВЪ. Нашъ зимній театръ на предстоящій сезонъ снятъ братьями Рудольфомъ Александровичемъ и Николаемъ Александровичемъ Крамсомъ, изъ которыхъ первый уже хорошо извѣстенъ въ театральномъ мірѣ какъ давнишній провинціальный антрепренеръ (40-ой годъ какъ онъ вообще подвизается на сценѣ), а второй братъ также подвизался на сценѣ, которую оставилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сдѣлавшись тамбовскимъ жителемъ, и теперь является въ этомъ дѣлѣ заведующимъ хозяйственною частью затѣвасмаго ими дѣла. Новая антреприза первымъ долгомъ обратила свое вниманіе на приведеніе въ лучшій видъ самаго театра, который, по правдѣ сказать, похожъ былъ скорѣе на еврейскую корчму, чѣмъ на храмъ Мельпомены. Затраты не пропали даромъ, и театральное помѣщеніе стало совершенно неузнаваемымъ.

Открытіе сезона предполагается 26 сентября, а если артисты соберутся пораньше, то 19 сентября.

Составъ труппы для тамбовцевъ почти совсѣмъ незнакомъ. Исключеніе составляетъ одинъ И. И. Бѣлоконъ, бывший здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ и пользовавшійся успѣхомъ въ роляхъ драматическихъ резонеровъ и характерныхъ, а теперь объявленный на амплуа премьера труппы.

В. II.

НАРВА. Городской театръ (на четвертый сезонъ) сланъ А. И. Долинскому. Драматическіе спектакли будутъ ставиться по обыкновенію по воскр. и праздничнымъ днямъ. Сезонъ открывается 26 сентября «Горемъ отъ ума». Предполагаются гастролы извѣстныхъ артистовъ. Репертуаръ: «Лѣсъ», «Безприданница», «Девятый валъ», «Заза», «Иамаилъ», «Графъ де Ризооръ». Труппа каждый спектакль будетъ пріѣзжать изъ Петербурга, какъ и въ прежніе сезоны.

ВЛАДИКАВКАЗЪ. Составъ труппы для предстоящаго сезона сформированъ изъ слѣдующихъ лицъ: г-жи Шеина, Яблочкина, Ростовцева, Будкевичъ, Волкова, Шадрина, Горпенкова, Дмитріева, Черная, Мичурина, Гребенская; гг. Никулинъ, Волховской, Чершовъ, Марковъ, Орловскій, Шалковский, Соколовскій, Дмитріевъ, Кудрявцевъ, Вербинъ, Гребенской и друг. Режиссеръ В. И. Никулинъ. Открытіе спектаклей назначено на 1-е октября.

УРАЛЬСКЪ. Антреприза А. И. Громова 4-й сезонъ въ Уральскѣ. Оперетка. Каскадная С. А. Калмыкова, лирическая М. Н. Шадурская, комическія старухи: Д. П. Громова и П. П. Мещерская, компримаріи: А. В. Шаховцева и Л. П. Карташева, теноръ М. Г. Давыдовъ, баритонъ Ф. И. Шостацкій, комики: А. В. Вадимовъ и А. И. Громовъ, вторыя партіи: М. К. Любскій и А. В. Суровъ, дирижеръ Н. Г. Карташевъ, суфлеръ и режиссеръ М. Н. Онѣгинъ, декораторъ Д. И. Паули. Главный режиссеръ А. И. Громовъ, помощ. режис. М. Гусевъ. Хоръ изъ 4 челов. Начало сезона въ концѣ сентября.

ИРКУТСКЪ. Сезонъ нынѣшняго года открылся 30 августа постановкой пьесы стараго репертуара «Каширской стариной» Аверкіева. Труппа городского театра подъ антрепризой А. А. Кравченко сформирована въ слѣдующемъ составѣ: женскій персоналъ: г-жи Саблина-Дольская (героиня и grande coquette), Тугаринова (ingénue dramatique), Дальская (ingénue comique), Покорская (водевили), Славичъ (драматическая и комическая старуха), Павлова (grande dame), Ларина (комическая старуха), Краснова, Степанова, Сибѣгинская, Никольская и Невѣрова — вторыя роли; мужской персоналъ: гг. Галицкій (герой-любовникъ и характерныя роли), Шумовъ (jeune-premier), Васильевъ (любовникъ), А. М. Шмидтгофъ (комикъ-резонеръ и характерныя роли), Степановъ (комикъ-буффъ), Жуковский (jeune comique), Лукинъ (простакъ), Тугариновъ и Пикольскій (резонеры), Ларинъ (характерныя роли), Романовъ (роли старыхъ слугъ), Григорьевъ и Семеновъ (выходныя роли). Приглашенъ также балетъ: балерина и балетмейстеръ Варнавскихъ театровъ Люзинскіе. Режиссеръ — Галицкій, помощникъ режиссера — Кригель, суфлеръ — Винниковъ, декораторъ — Гартъе, управляющій — Соболевъ (изъ старыхъ актеровъ). Оркестръ подъ управленіемъ Гейнрихъ.

«Каширская старина» сошла вяло. Ни Галицкій, ни Саблина-Дольская къ своимъ ролямъ (Василія и Марьяны) не подходили ни по возрасту, ни по фигурѣ. Успѣхъ имѣли А. М. Шмидтгофъ, выступившій съ своими извѣстными «монологами» и, какъ это ни прискорбно, балетъ, который былъ выпущенъ въ третьей картинѣ и отпѣсывалъ «русскую».

Второй спектакль «Джентльменъ» Сумбатова сошелъ гораздо лучше; всѣ были на своихъ мѣстахъ и публика, готовая уже охладѣть послѣ 1-го спектакля, усердно аплодировала. Замѣтно страдаетъ пока режиссерская часть.

II. II. Колотилловъ.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ,

съ 20-го сентября по 4-е октября 1899 г.

Александринскій театръ. 20-го сентября «Борцы». — 21-го спектакль въ память И. С. Тургенева. Пятидесятилѣтніе пьесъ «Холостякъ», ком.; «Завтракъ у предводителя», ком. — 22-го «Шутники». — 23-го «Холостякъ», «Завтракъ у предводителя». — 24-го «Ольга Ранцева». 26-го «Волшебная сказка». — 27-го въ 1-й разъ: «Глухая стѣна» драма. — 28-го «Венеціанскій купецъ». — 29-го «Глухая стѣна». — 30-го «Девятый валъ». — 1-го октября «Каширская старина». — 2-го спектакль съ участіемъ г-жи Режанъ. «Ma cousine Lolotte» (Цѣны мѣстамъ возвышенныя). — 3-го Утромъ: Спектакль съ участіемъ г-жи Режанъ. «Заза» (Цѣны мѣстамъ возвышенныя). Вечеромъ: «Холостякъ», «Завтракъ у предводителя».

Михайловскій театръ. 20-го сент. «Pension de famille». — 21-го «Pension de famille». — 22-го «Забава». — 23-го «Pension de famille». — 24-го «Забава». — 25-го «Les locataires de m-r Blondeau». — 26-го «Отчій домъ». — 27-го «Les locataires de m-r Blondeau». — 28-го «Les locataires de m-r Blondeau». — 29-го «Забава». — 30-го «Les locataires de m-r Blondeau». — 1-го окт. «Забава». — 2-го «Le berceau». — 3-го «Отчій домъ».

Марининскій театръ. 20-го сент. «Самсонъ и Далила». — 21-го «Евгеній Онѣгинъ». — 22-го «Русалка». — 23-го «Тангейзеръ». — 24-го «Пиковая дама». — 26-го «Балетный спектакль». — 27-го «Тангейзеръ». — 28-го «Карменъ». — 29-го Балетный спектакль, 30-го «Карменъ». — 1-го окт. «Князь Игорь». — 3-го утромъ: «Жизнь за Царя», вечеромъ: Балетный спектакль.

Редакторъ А. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимовеева (Холмская).

О ВЪ Я В Л Е Н І Я.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ

для нѣжности и свѣжести лица,

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Цѣна за фаянсовую банку 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ, красными чернилами и марку с.-петербургской косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., № 2.

ХОРОШІЙ КЛАРНЕТЪ

продается. О цѣнѣ узнать В. О. Филологическій пер. Коллегія Императора Александра II, комн. 65.

Театръ „ФАРСЪ“

(бывшій Панаевскій, у Дворцоваго моста).

Дирекція: А. М. Горинъ-Горайновъ, С. К. Ленни, В. А. Казанскій.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ ПОДЪ Личнымъ РЕЖИССЕРСТВОМЪ

Сергѣя Константиновича Ленни.

Значительно обновленный составъ труппы: Е. Г. Кони-Стрѣльская, М. Н. Воронцова-Ленни, М. С. Брянская-Коврова, Е. Л. Легатъ, Е. М. Граповская, Э. П. Нелидова, Е. Л. Стапилевичъ. Е. А. Мосолова, Н. П. Тенишева, А. К. Добровольская, О. М. Полякова, О. П. Спѣжина, О. П. Мельникова, Е. П. Колышева, Л. П. Зюрина, Е. А. Янова, Е. М. Погребова, Н. Д. Дмитриева, В. Д. Ларина, Е. М. Гарива, Е. М. Гравина, О. М. Явъ, Т. И. Тавина. З. Л. Викторова, М. И. Марусина, Е. А. Дубровская, А. М. Горинъ-Горайновъ, С. К. Ленни, В. А. Казанскій, С. Ф. Сабуровъ, В. Я. Грѣховъ, Д. П. Басмановъ, А. Д. Каменскій, Г. Г. Яковлевъ, В. М. Фокинъ, Н. В. Муратовъ-Лирскій, Г. И. Вестеръ, В. Н. Василевъ, И. И. Павловъ, П. Н. Щепкинъ, П. О. Константинъ, Н. Н. Калита, П. П. Рудинъ, П. В. Радянъ, И. М. Ворожковскій, К. С. Костинъ, Ф. Г. Николаевъ, М. Г. Петровъ, А. М. Иртеневъ, С. С. Артуръ, Л. А. Камышевъ.

Репертуаръ: Въ воскрес., 19-го сентября: 1) „Игра въ любовь“, ком. въ 4 д.; 2) „Дама отъ Максима“, фарсъ въ 3 д. Понед., 20-го: 1) Въ 1-й разъ „Кулекъ червонецъ“, ком. въ 3 д.; 2) „Дама отъ Максима“, фарсъ въ 3 д. Вторникъ, 21-го: 1) „200 тысячъ“ (главный выигрышъ), ком. въ 3 д.; 2) „Музей древностей“, фарсъ въ 3 д. Среда, 22-го: 1) „Игра въ любовь“; 2) „Дама отъ Максима“. Четвергъ, 23-го: 1) „Кулекъ червонецъ“; 2) „Клубъ велосипедистовъ“. Пятница, 24-го: 1) „200 тысячъ“; 2) „Дама отъ Максима“. Суббота, 25-го: 1) „Игра въ любовь“; 2) „Клубъ велосипедистовъ“.

Исключительный репертуаръ фарсовъ и легкихъ комедій.

Масса новинокъ. Новая обстановка.

Все необходимое для гг. артистовъ!

Усовершенствованныя и безвредныя гримировки: румяна, бѣлила, карандаши и тушь для бровей, замазки для париковъ и проч.

Громадный выборъ парфюмерій лучшихъ заграничныхъ фабрикъ

Высылаетъ по первому требованію

аптекарскій складъ Э. Ф. ВОЛЯНСКАГО

С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., № 22. № 234 (1—1)

Краска для волосъ Голлендера „НАТУРЕЛЬ“.

Самая безвредная и прочная, окрашивающая волосы въ натуральные цвѣта: черный, каштановый и темнорусый.

Краска „НАТУРЕЛЬ“ не имѣетъ дурного вліянія на волосы.

Цѣна коробки 1 р. 50 коп., съ пересылкою въ Европейскую Россію 2 р. 25 к. Требуется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи.

Главный складъ: Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія „I. ГОЛЛЕНДЕРЪ“, С.-Петербургъ, Разъѣзжая, № 13. 216 (г.—)

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ

оставшіеся послѣдніе экземпляры, случайно купленные новые по удешевленной цѣнѣ, театрально-музыкальный, художественный, литературный и изящныхъ искусствъ журналъ

„АРТИСТЪ“

съ приложеніемъ 190 на отдѣльныхъ листахъ картинъ, портретовъ, гравюръ, фототипій, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ: Г. Рѣпина, Маковского, Савицкаго, Кившенко, Самокиша, Киселева, Соллогуба, Ярошенко, Кошан, Матѣ, Лемоха, Пастернака, Сергѣева, Антокольскаго, Трутовскаго, Лебедева, Гуна, Веткина, Волкова, Лаго-Шинкиной, Клодта, Касаткина, Мясоѣдова, Ярошенко, Ге, Крамского, Прянишникова и другихъ художн. и съ приложеніемъ 110 пьесъ, драмъ, комедій и водевилей: Г. Шпагинскаго, Чехова, Терпигорева, Матеря, Баранцевича, Щеглева, Муравлина, Гяфдича, Щеглова, Гяфдича, Щеглова, Нем.-Данченко, Крылова, Карпова, Воборыкина, Ибсена, Кропивницкаго, Лихачева, Зудермана, Невѣжина, Гославскаго, Михеева, Брандеса, Чюминой, Сарду, Дюма, Александрова, Потапенко, Фелдтова и др. авт.

Полная коллекція за всѣ года изданія, т.е. за 7 лѣтъ, кромѣ №№ 1 и 4, всего 54 книги за 25 р., пересылка за 2 п. 20 ф.

Отдѣльные года за 1891 г. 7 книгъ 4 р. 1892 и 93 по 12 книгъ по 5 р. годъ. 1894 г. 12 книгъ 6 р. 1895 г. 2 книги 1 р. 50 к. отдѣльные №№ 10, 11, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 23, 24, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 45 и 46, по 75 к. №№. Продаются въ книжной торговлѣ Н. Николаева. Срѣтенка, близъ Сухаревои въ Москвѣ.

Покупка книгъ русскихъ и иностранныхъ по хорошей цѣнѣ. Каталоги высылаются безплатно.

Цѣны безъ пересылки.

Въ конторѣ журнала
„Театръ и Искусство“
ПРОДАЕТСЯ СБОРНИКЪ
Комедій и фарсовъ
А. Ф. Крюковскаго.

«Кокоша и Тотоша», «Денежные тузы», «Сынъ на прокатъ», «Ритта», «Передъ завтракомъ», «Замороженная теща», «Хлестаковъ на водахъ».

Цѣна 3 р.

Выписывающіе изъ конторы за пересылку не платятъ.

НУЖЕНЪ
АКТЕРЪ-ДЕКОРАТОРЪ

Въ г. Уральскъ на жалованье.

Обращаться къ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ГРОМОВУ. Театръ.